

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Александр ПРОКОПОВИЧ

ОЧЕРЕДНОЙ КОНЕЦ СВЕТА

Александр Прокопович

Очередной конец света (сборник)

«АСТ»

2011

Прокопович А. А.

Очередной конец света (сборник) / А. А. Прокопович — «АСТ», 2011

Ангелы над крышами домов, пандемия, охота на Дракона, вторжение инопланетян... У каждой из этих проблем есть одно решение – специалист по глобальным кризисам. Реклама его услуг сильно смахивает на обещание Страшного Суда, наверное, поэтому зарабатывает он много, но редко. Мало кто догадывается, что иногда достаточно просто позвать специалиста. Даже если речь идет об очередном Конце Света.

© Прокопович А. А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Специалист по глобальным кризисам	6
Земляки	6
Шанс для неудачника	16
Настоящая любовь	21
Планета Мертвого Бога	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Прокопович

Очередной конец света (сборник)

© А. Прокопович, 2011

© ООО «Астрель-СПб», 2011

Специалист по глобальным кризисам

Земляки

У Константина туфли всегда блестели так, будто, если их поверхность потускнеет, у него начнутся проблемы с дыханием. Когда мы с ним познакомились, блестели только туфли. В сантиметре от них начинались замызганные джинсы, еще выше – все было только хуже. Сейчас он блестел от подошв до самого потолка своего небольшого офиса.

– Марк, как твои дела? Как Элли?

И зубы у него были тоже блестящие. И лысина блестела, отражая сотни сверкающих поверхностей его кабинета.

Будь я проклят, если Константин не знал, что дела мои на нуле, а о том, «как Элли», можно с тем же успехом поинтересоваться в городской справке. На самом деле она держалась достаточно долго. Для женщины, всерьез считающей, что лучше вообще не одеваться, чем надеть второй раз одно и то же, она протянула почти бесконечность. Три месяца бесконечности, в которой не было ни путешествий, ни вечеринок... Почти три месяца – и ни единого заказа для специалиста моего профиля... Увы, но для оправдаю я еще не созрел.

– Костя... Можно, я не буду делать вид, что у меня все прекрасно?

– То есть Элли тоже не выдержала... – Константин сощурил близорукие глазки, пользуясь извечной уловкой всех очкариков. Стоит им снять свои оптические устройства, как всему остальному человечеству кажется, что они трогательно беззащитны. – У меня есть для тебя клиент... Ничего особенного, с ним справился бы и специалист куда более низкой квалификации, но я подумал о тебе...

Все сказанное нужно было понимать так: есть заказ, который по зубам не каждому, платят мало, да еще и Костя планирует половину этого «мало» зажать... Единственная верная тактика – молчать. Иначе он решит, что я готов работать даром, лишь за скупую улыбку работодателя.

– Это компания моих земляков. Они приехали недавно, но уже здорово развернулись... Понимаешь, Марк, ты родился в большом городе, и для тебя нормально, что земляков – миллионы. Мой родной город и городом-то не назовешь, одна улица, даже перекрестков нет... Поэтому и к землякам отношение особенное. Они попросили меня помочь, и я вспомнил о тебе... Поможешь?

У Константина легкий, почти неуловимый акцент, и он ни разу не говорил – откуда он родом. Подозреваю, что это где-то между Каспийским и Черным морями, там, где с детства прививают любовь ко всему блестящему. Клан сороки – не иначе. На столе у Кости десяток вазочек с кактусами. По крайней мере больше всего эти растения фаллической формы похожи на кактусы странного серо-голубого цвета... Когда он начинает их гладить, а он делает это постоянно, возникает такое чувство... Вероятно, это из-за формы.

Вазочки, разумеется, сделаны из какого-то блестящего материала. Я бы даже сказал, что это золото, если бы не был уверен, что даже для Кости это слишком. Хотя... Константин носил восемь золотых перстней. Это требует определенного самопожертвования.

– Ты уверен, что я смогу вам помочь?

– Уверен. На все сто. Просто постарайся быть тактичным. Я их люблю, они мои земляки, но они не такие, как я. Еще не вписались в нашу жизнь. У них серьезная фирма, бизнес растет, все довольны... только проблемы с сотрудниками. Все время текучка. Один приходит, двое увольняются...

– Зарплаты?

– Зарплаты хорошие, социальный пакет... Я сам толком не понимаю, в чем загвоздка, и вот для этого нужен ты. Поработай у них, выясни, что там и как, – дай решение. Ты не кадровик, но если я правильно понимаю, что означает «специалист по глобальным кризисам», то это может быть вполне тебе по зубам...

– Время, оплата?

Константин смерил меня взглядом, оценивая мою готовность к страшному – оглашению гонорара. Судя по глазам, он все же побаивался, что сразу после объявления суммы я возьмусь за что-то достаточно тяжелое.

– Все просто. Они берут тебя на должность специалиста по PR, и ты работаешь. Платят они хорошо, в принципе, если ты решишь проблему – можешь работать у них дальше, если не решишь – они закроются, и тогда работу потеряют все...

– Это шутка такая?

Тяжелое в руки просилось, но по ходу дела я решил, что лучше, если оно будет еще и с острыми краями... Я знал, сколько зарабатывают пиарщики, – это не вдохновляло.

– И я надеюсь, ты меня не забудешь порадовать процентом от зарплаты...

– Каким процентом?

– Ну, пятьдесят было бы, наверно, справедливо, но с учетом твоего положения я согласусь на тридцать...

– Пятнадцать. Какая зарплата?

– Согласен. Платят десятку.

Десятка – это хорошая сумма. Неожиданно хорошая. Достаточно хорошая, чтобы забыть о тяжелых предметах и вспомнить о неоплаченных счетах, которые можно погасить уже с первой полочки. Отдавать полторы штуки из десяти было чудовищно жалко, но остаться без восьми с половиной тысяч было бы просто довольно оригинальным способом самоубийства с помощью собственного домашнего зверька – жабы зеленой, разбушевавшейся.

– Как компания называется?

– «Объединенные системы»...

Забавное название. Ни о чем. Называть компании «Рога и копыта» нынче не модно. Остается надеяться, что между специалистом по общественным связям и должностью зиц-председателя существует пара-тройка отличий...

* * *

В центре компании «Объединенные Системы» находится кадка. Сверкающая золотая кадка метров пять в диаметре. Растение в кадке – насквозь пронизывает три этажа здания. Серо-голубое, с ветками-щупальцами, иглами-антеннами. Не иначе уродец из коллекции Константина – вымахал на местных харчах.

– Память о родине?

– Вы догадливы... – Подавляющая часть мужского населения планеты тренировало бы свою догадливость годами, чтобы увидеть благосклонный взгляд Ханы, референта директора и по совместительству главной по кадрам. На самом деле – увидеть стоило не ее взгляд, а то небольшое, оставшееся скрытым под несколькими мотками веревки, выполняющими функцию платья. Впрочем, стоило Хане пошевелиться, как мне представилась возможность обозреть практически все достопримечательности этого выдающегося тела. Но не одновременно. Там – открылось, здесь – закрылось...

– Хана, а как называется этот... кустик?

– Кустик?

Вероятно, слово «кустик» – страшно смешное, я хотел бы знать еще пару-тройку таких же забавных слов – смех в ее исполнении был отдельным шоу. Грудь, стараясь избавиться от ненадежных оков, рвалась на свободу, и путь к ней пролегал мимо меня.

– Марк, это дерево называется Бурхаи. – Смех кончился. Примерно таким тоном я бы объяснил несмышленому малышу, в чем разница между его бумажным корабликом и межпланетной станцией.

– Бурхаи как-то переводится?

– Дерево-мать. На самом деле это не совсем точный перевод. Директор считает, что точнее – «материнское дерево, дающее жизнь».

Жуткое дерево с жутким названием. Все-таки дуб или клен куда лучше. По крайней мере, пока не знаешь, что на самом деле значит слово «дуб»...

Хана сделала попытку наверстать упущенное в визуальной области в области тактильной – прислонилась ко мне в позиции «я тебя так люблю, что меня ноги не держат»... наверное, это было грубо, но надо же было что-то делать.

– Если я прямо здесь и сейчас попробую с тобой заняться продолжением рода, это будет именно то, чего ты добиваешься?

Наверное, мне показалось, но даже веревки на ее теле стали шире и длиннее. Нимфоманка-маньячка вдруг приказала долго жить, выпустив на сцену свою заместительницу – офисоуправительницу. Перевоплощение было полным. Мешали две вещи: Хана не стала бы блондинкой, даже искупавшись в перекиси, – слишком южный тип... и отсутствие свастики на рукаве. Во всем остальном образ гестаповки не в состоянии был поколебать даже более чем легкомысленный наряд. Надо было что-то говорить, пока она не решила отправить меня в газовую камеру...

– Хана, вы хотели показать мне мой кабинет...

– Это и есть ваш кабинет.

Я не долго отковыривал от ковра нижнюю челюсть. Мне хватило десяти секунд, чтобы она оказалась уже достаточно близко к верхней, и я мог сделать вид, что просто зевнул. Хана сказала правду. В офисе «Объединенных Систем» нет внутренних стен. Три этажа – три зала. Мой стол был довольно крупным островом в архипелаге островков поменьше. Ближайший – в десяти метрах.

– Я уже завела вас в систему. В вашем доступе – история компании, задачи и представление о логистике, клиентская база. День в компании начинается с чтения письма директора. Не сомневайтесь, как бы рано вы ни пришли, оно уже будет вас ждать. Вы единственный сотрудник этого направления, значит, автоматически входите в руководство. У вас будет пропуск на третий этаж, его занимает команда – мозг компании. В любое время. Директор может вас и не принять, но кто-то обязательно поможет.

В любое время. Поможет. Есть у меня одна потребность. Ее пик может прийти на сегодняшнюю ночь – я куда подвижнее на некотором расстоянии от офиса. Может, Хана мне поможет? Жаль, меня никогда не привлекало садомазо, Хана с плеткой – это было бы нечто.

* * *

Команда. Земляки Константина. Если все их проблемы – на уровне сексуальных домогательств... Думается, у них не должно быть недостатка в кадрах. Может, зря Костя волнуется?

С Ханой я как бы познакомился, точнее, наше знакомство остановилось, так и не дойдя до кульминации...

Директор. Георгий Васильевич. Высокий, худющий. Чем-то они с Костей похожи. Не внешне. Манерой как-то не совсем по-мужски относиться к одежде. Слишком внимательно.

Рубахи – лиловые, пурпурные или радикально белоснежные, с непременными кружевными вставками. Всегда – шейный платок. Всегда запонки. Сияющие туфли – черные никогда.

Никогда не видел человека, который, почти не сгибая ног, перемещался бы с такой скоростью. Грива, за которой он ухаживал так же тщательно, как и за обувью, развевалась при ходьбе, будто флаг на корме корабля.

Директор стремительно появлялся, стремительно исчезал, стремительно говорил и стремительно замолкал. Понять его была в состоянии только Хана, которая в его присутствии становилась не сексуальнее престарелой монахини. При знакомстве он не пожал – обхватил мою руку своей, огромной, плоской, и что-то произнес. Я не знал, что к его словам надо готовиться – успеть услышать, попытаться понять. Судя по улыбке – что-то приятное сказал. Я тоже улыбнулся. Если он меня обозвал болваном – я подтвердил его подозрения.

Третий член команды – Осип Кофман. И пусть никого не обманывает тот факт, что его никто не зовет по отчеству. Осип – очень удобное имя, короткое и в то же время полное. Маленький, почти квадратный – если кто-то специально подбирал человека, противоположного директору, у него это получилось. Он не исчезал и не появлялся. Он сидел за своим столом. Думаю, у него была одна проблема с гардеробом – время от времени ставить заплатку на место, протираемое ягодицами. Единственное место в одежде, которое он мог износить.

Разговаривал он медленно и безупречно правильно. Невидимые и неслышимые шестеренки в его голове тщательно подбирали слова. Не знаю, какие тут могли быть конфликты... Директора почти никто не успевал ни увидеть, ни понять. Кофмана – просто понять. В первом случае нужна была нечеловеческая реакция, во втором – нечеловеческая выдержка. Кофман пожал мне руку с твердостью пуховой подушки. К тому моменту, как он умудрился закончить предложение, я благополучно забыл, с чего он его начал.

Последний член команды – Ренат. Человек-гора, по совместительству – сисадмин. Все, что касается технического обеспечения, на нем, и все это работает идеально. Впервые мой компьютер пашет с такой скоростью. Вероятно, каждый жалкий процессор в офисе понимает, что, если он даст сбой – попадет в лапы Рената. Этой информацией владеют и винчестеры, и видеокарты, и распоследний блок питания. Ни одного вируса. Никакого спама. Вероятно, все дело в росте Рената – два метра. Столько же в плечах. И повадки, которые скорее подошли бы вышибале. Я хорошо понимаю нашу технику. Ренат – угроза. Прямая угроза любому, кто окажется в пределах видимости. По крайней мере так это выглядит. Голова у Рената переходит в плечи где-то на сантиметр ниже ушей, и есть у меня подозрение, что это у него с самого рождения.

Кроме своих обязанностей сисадмина, Ренат ухаживает за нашим фикусом в девять метров высотой. Это тот случай, когда они смотрятся гармонично. Человек-чудовище рядом с деревом из кошмарного сна.

Присутствие кактуса-переростка чувствуется постоянно. Кажется, будто он непрерывно шевелится. Понимаю, что это не так, но шея уже привычно болит – все время пытаюсь незаметно обернуться и глянуть. Правда, где-то через неделю стало легче. То ли я привык, то ли Бурхаи оставил меня в покое. Хотя есть еще одна версия – устал я. К тому же замучили проблемы со временем. Не то чтобы его не хватало. Просто у времени были свои расклады, а у меня свои.

«Объединенные системы» работали здорово, и никакой сверхъестественной ротации кадров я не заметил. Была команда из четырех учредителей и весь остальной офис, включая меня. Все ключевые вопросы решала команда. Функции остальных сводились к подготовке полуфабрикатов: анализ, рекомендации, координация. Было одно отличие от тех компаний, где мне довелось работать раньше. Платили вовремя и столько, сколько положено. Первый раз, конечно, ощущаешь какую-то неловкость, но быстро привыкаешь.

* * *

Заявление об уходе появилось в понедельник. В шесть часов вечера. Я был удивлен. Не тем, что оно появилось, а тем, что вместе с ним не появилось уголовное дело. Понедельник начинался как обычно – трудно. Где-то через час после этого трудного начала Лена, помощница бухгалтера, преодолела входные двери и уже была в нескольких метрах от своего рабочего места на втором этаже. На ее беду, в это же время с третьего этажа, этажа команды, спускался директор – Георгий Васильевич. Он повернул голову слева направо, охватил взглядом весь офис и заметил опоздавшую. Что он сказал, как обычно осталось тайной, но Хана перевела:

– Лена, подойдите, – сказано было холодно и жестко. К тому моменту, когда Лена дошла до директора, ноги ее перестали сгибаться, а сердце колотилось прямо в голове, запросто добравшись туда из грудной клетки.

Вероятно, это что-то из обычаев тех мест, откуда прибыл директор. Лена еще ждала, что ей скажут, а Георгий Васильевич с Ханой уже взялись за дело.

В «Объединенных системах» – хорошая мебель. Стол, на котором директор с Ханой распяли Лену, ни разу не скрипнул. Лена не кричала – она странно громко охала, пока Георгий Васильевич совершал возвратно-поступательные движения со все нарастающей частотой. Охи кончились громогласным ахом. Директор что-то прокричал, Хана перевела:

– Никто не должен опаздывать. Никогда.

Лена подтвердила сказанное шумным вздохом и – через восемь часов – заявлением об уходе. Теперь она будет опаздывать по другому адресу.

В среду заявлений было три. Этого можно было ожидать. В конце концов, не каждый согласится работать в компании, в которой директором – насильник. Оказалось, люди хуже, чем принято считать. Акт на столе не прошел незамеченным, но, кажется, только добавил энтузиазма. Впервые на моей памяти, мало того что никто не опоздал – за десять минут до начала рабочего дня все были на местах. Страшно подумать, каких высот могла бы достичь пунктуальность в стране, если бы в каждой фирме боссы проявляли подобную сексуальную активность. Но больше всего меня напугало то, что я сам прибыл в офис на полчаса раньше. И проснулся без будильника.

В очередных трех увольнениях были виноваты плоды Бурхаи. Орешков, которые разбрасывает наше чудо-дерево, всегда особенно много на первом этаже – рядом с кадкой. Больше всего они похожи на сильно пожеванные горошины. С четырех до шести вечера колени пятиерых сотрудников убеждались в том, что – несмотря на пожеванность – горошины тверды и способны сообщать болезненные ощущения нижним конечностям бесконечно долго.

Без пяти минут три эти пятеро сотрудников отдела продаж беспечно пинали эти же самые горошины. В три часа началась планерка. К ее окончанию уже было понятно, что дело пахнет керосином. Отдел продаж всерьез задумался о невероятном стечении обстоятельств, которое должно произойти, чтобы сотрудники получили квартальную премию... Слово взял Кофман. Кофман предложил выбор: либо премию – долой, либо два часа на горохе. Отдел выбрал горох. Кофман говорил, как обычно, медленно – но желания заснуть от его слов не было. Было желание проснуться, потому что пятеро взрослых мужиков, стоявших на коленках – такое возможно только во сне.

На следующий день трое из пятерых уволились. Что-то мне подсказывало: кого бы ни взяли на их место – отдел продаж будет работать с большим энтузиазмом и вовсе не из-за премий.

В пятницу в офисе стало неожиданно просторно. То есть еще просторнее. Так бывает, если помещение рассчитано человек на сто, а в нем остается – мало. Мало – это десять. Требования учредителей компании к корпоративному духу сотрудников оказались сильно завышенными. Я тоже не люблю воров. Но обычно рад, если вдруг удастся просто вернуть утраченное. Ренат считает иначе. Считает громко и четко до ста семидесяти восьми. Ни разу не сбился.

Начальник отдела рекламы получил сто семьдесят восемь ударов сетевым кабелем в честь ста семидесяти восьми тысяч рублей, украденных у компании. Бил Ренат не сильно. Бил бы сильно – был бы труп. Одна сотрудница упала в обморок. Это случилось в четверг. В пятницу на работу вышло всего десять человек, в том числе начальник отдела рекламы и потерявшая сознание барышня. С ужасом я вспомнил о том, как в первый день своей работы в «Объединенных системах» унес домой ручку. На всякий случай оставил на столе свой «Паркер» – в качестве компенсации. Бог с ним, с золотым пером, целостность кожного покрова и нервной системы – дороже.

Я лихорадочно припоминал – не унес ли я из офиса случайно еще чего, когда раздался выстрел.

То, что из-за Ханы до сих пор никого не убили, можно было объяснить исключительно тем, что коллектив слишком часто обновлялся. Все-таки, прежде чем кого-то убить, нужно немного времени, чтобы решить, кого именно и каким образом. За что? Если бы Хана находилась в точке, равноудаленной от всех мужчин офиса, – было бы не за что. Увы, она передвигалась. То есть я поверил бы, если бы кого-то убили из-за Ханы. Но кто же мог догадаться, что в этот день она передвигалась не для того, чтобы увеличить средний по офису уровень тестостерона, а выбирая лучшее место для прицеливания?

У земляков Кости своеобразные взгляды на рукоприкладство. Удар шнуром по причинному месту – нормально, пощечина – смертельное оскорбление. Директор, что в принципе характерно для директоров, не только расстроился из-за некоторой нехватки сотрудников, он еще и нашел виноватого. Хане не пришлось вслушиваться в доводы, свою правоту босс утвердил размашистой пощечиной.

Сейчас Георгий Васильевич впервые на моей памяти сбавил скорость – падал он медленно и величаво, с грацией чайного клипера, гибнущего в шторм... Хана смыла оскорбление первой же пулей. Не стоило директору так остро реагировать на нерасторопность своего референта – кадровика.

Я не стал дожидаться развития событий. Вовремя уйти с линии огня – не трусость. Я – не детектив и не спецгент. Я, конечно, специалист по кризисам, но предпочитаю придумать решение, которое выполнять будут другие.

Когда по офису летают пули, возникает жесткая необходимость в касках, бронежилетах и запасном выходе. Теоретики – уходят, приходят суровые ребята в камуфляже.

* * *

С момента убийства директора прошло три дня. Уж не знаю, как это удалось «Объединенным Системам», но пресса молчала. На мой корпоративный адрес пришло предупреждение о возможности увольнения, если я не появлюсь в ближайшее время и не представлю уважительную причину моего отсутствия. Письмо было подписано Ханой. Следовательно, она, в силу каких-то неведомых мне обстоятельств, до сих пор не коротала дни в федеральной тюрьме.

Костя меня ждал. Судя по его виду, события в «Объединенных системах» не были для него тайной. Впервые нас многое объединяло. Эту ночь мы провели вдалеке друг от друга, но по схожему сценарию. Методика была отточена: виски плюс много виски плюс еще виски – выпить быстро.

Константин был сильно расстроен. Последний раз я его видел в таком состоянии на следующий день после смерти супруги, и дело было вовсе не в том, что она покинула этот мир не по расписанию. Проблема была в завещании. В том, что оно имелось. Недвижимость, более чем приличная сумма на банковском счете и коллекция автомобилей экзотических марок. Все ушло благотворительным фондам. Тогда Костя месяц пил и встречал каждую ночь с новой женщиной. Трудно сказать, что ему надоело раньше, но через месяц он завязал и с тем и с другим и постепенно начал отстраивать ту развалину, в которую превратился.

– Что тебе удалось узнать?

– Ничего, что не вписывалось бы в работу команды насильников, садистов и, как оказалось, убийц.

– Марк, насколько все это безнадежно?

Безнадежно? Это было немного не то слово. Дырка в голове – это нечто большее, нежели просто безнадежно. Хотя... Было одно обстоятельство, которое я не хотел замечать. Потому что, если это – правда, мне придется несколько изменить мнение о породе «человек цивилизованный».

После изнасилования дисциплина в компании стала великолепной, и кроме жертвы – ни один сотрудник и не думал увольняться. Что же касается девушки Лены – судя по тому, что люди с красными корочками до сих не постучали в нашу дверь, чтобы опросить ораву свидетелей, младший бухгалтер получила такую компенсацию, что та позволила ей надолго завязать с унылой повинностью ежедневного труда.

Эффективность, с которой заработал отдел продаж после эксперимента с горохом, думаю, окупила все минусы, включая тот факт, что сотрудников в отделе стало в два с половиной раза меньше...

Использование сетевого шнура в качестве инструмента по борьбе с воровством, вероятно, было перегибом. Скорее даже не потому, что телесные наказания вышли из моды. Думаю, соль в том, что воровать у компании – не кажется согражданам таким уж грехом. Вот если бы рекламщик вынул кошелек у одного из сотрудников, можно было бы проводить конкурс – кто ударит сильнее. Так или иначе – десять человек сознательно решили остаться в конторе, где практиковались методики, не описанные ни в одной умной, обычно американской, бизнес-книжке. И эти десять человек совершенно точно готовы были не опаздывать, не воровать и работать эффективно.

– Костя... есть одна проблема. Небольшой предмет цилиндрической формы вошел в череп Георгия Васильевича с одной стороны, а вышел с другой.

Константин внимательно посмотрел на меня, будто я только что сообщил ему о шарообразной форме Земли... и эта мысль оказалась для него новой.

– Если на секундочку предположить, что Хана не выстрелила в Гошу, – ты бы смог решить вопрос кадров?

Я могу на секундочку предположить, что динозавры до сих пор не вымерли. Мало ли отвратительных тварей встречается в жизни. Я даже мог представить, что Гоша – это директор Георгий Васильевич. На секундочку предположить я могу почти что все... Но то, что я сказал Косте, вырвалось само, то есть сорвавшееся с моего языка не имело никакой связи с работой моего же головного мозга:

– Конечно. Еще не знаю как, но смог бы.

* * *

От офиса Кости до «Объединенных систем» можно было доехать минут за пять. Мы добрались за три. Я бы предпочел ехать часов восемь, чтобы ночь сменилась уверенным днем,

город наполнился людьми, милицией и возможностью поставить крест на затее Кости. С собой он взял меня и чемодан с инструментами. Думаю, свободы воли у чемодана было больше.

Офис встретил нас послушно распахнувшимися дверьми, стоило мне прижать свою карточку к валидатору¹. К своему ужасу, я почувствовал приступ ностальгии. Я успел привязаться к этой конторе. Успел соскучиться по ней за те три дня, что меня здесь не было.

Двери третьего этажа уступили под натиском моей карточки так же безропотно. Свет был выключен, но в городе, да еще в здании, где нет внутренних стен, зато полным-полно окон, совершенно темно не бывает. Постепенно мои глаза привыкали и видели все лучше, зато соображал я по мере прояснения картинки все труднее и труднее. Мне очень хотелось верить, что я имею дело со стульями и вешалками с одеждой, пытающимися притвориться людьми... У меня не получалось. Это были люди, застывшие в позах, совершенно не приспособленных к застыванию.

Три члена команды расположились вокруг Бурхай. Хана, казалось, медитировала, сидя в позе лотоса. Точнее, это была бы поза лотоса, если бы ее пятую точку и пол не разделяло по меньшей мере полметра и... никаких признаков фокусов с зеркалами.

Ренат прижался к дереву так плотно, что, казалось, врос в него. Прижимался он головой, то есть там, где она должна была располагаться, я ничего не находил. Вероятно, он засунул голову в дупло, и что-то его там сильно заинтересовало. Я старательно отгонял от себя мысль, что на самом деле у Рената уже нет головы.

Кофман стоял, как бы опираясь о дерево. Только между ним и Бурхай было метра два. Как можно сохранять равновесие в такой позе, не будучи китайским гимнастом, – сие есть тайна великая.

Костя, минуту назад оставивший меня в одиночестве наблюдать за скульптурной группой, нашел, наконец, выключатель. Есть вещи, которые должны оставаться вдалеке от электричества.

Хана не висела в воздухе, и Кофман не был акробатом. В зале было только два человека – я и Костя. То, что я принял за членов команды, было отростками Бурхай – отростками, отличавшимися от людей тем, что все трое произрастали, а не жили. Дерево-монстр, воспользовавшись случаем, проросло в плоть и теперь, не торопясь, переваривало жертв. Интересно, если отпилить кусок Ханы, у нее можно посчитать годовые кольца?

– Марк, не отвлекайся! У них так всегда после кризиса...

Вероятно, сейчас я закрою глаза, потом открою глаза и обнаружу, что мне все это привиделось. Так я и сделал. К пейзажу добавился Костя и его чемодан. Чемодан открылся, обнаружив свое содержимое. Я никогда не видел топоров, хранящихся в таких условиях. Костя натянул перчатки и только после этого решился вынуть инструмент из чехла. Топор был прекрасен. Если мне суждено погибнуть на плахе, пусть у палача в руках будет этот шедевр.

– Подержи!

Несколько дней назад я бы мог только мечтать об этой команде. Держать надо было Хану. На ощупь она была... Зачем Костя включил свет?!

У Кости, по-видимому, имелся большой опыт дровосека. На «отруб» Ханы у него ушло два точных движения. Кофман был отделен одним движением. Сложнее получилось с Ренатом. Перед тем как приступить непосредственно к отсековению, пришлось повозиться с тем, чтобы голова Рената не осталась внутри Бурхай. Ветка торчала прямо у него из макушки. Если бы не состояние полной апатии – быть бы моему ужину вдалеке от моего желудка.

¹ Валидатор – устройство для проверки документов на электронных носителях.

Пока я оттаскивал бывшие отростки в жилую часть этажа, Костя продолжал орудовать топором. Не знаю, что он там выстругивал, я был занят. Я искал признаки того, что еще несколько минут назад мои подопечные были частью целого. Их не было.

– Марк! Сюда!

Вообще-то помощь была нужна мне. Если Ренат и перестал быть частью дерева, это не значит, что он весил меньше здоровенной колоды. Впрочем, Косте тоже было от чего устать. Дыра, которую он прорубил в Бурхаи, могла бы стать памятником деревянного зодчества, если не по изысканности формы, то уж из-за размеров – наверняка.

– Нужно вытащить одним движением, ты готов?

Я не был готов, но хотел покончить с этим делом поскорее. Внутри дерева в позе зародыша нас ждал Георгий Васильевич собственной персоной. Короткая стрижка его не портила. В отличие от остальных он был покрыт чем-то липким. Наверное, смолой... Его череп был цел. Практически как новый.

* * *

На этот раз Костя приехал ко мне в офис. Ко мне – это в «Объединенные системы». Фактически я уже закончил то, ради чего меня нанимали, и пусть платили здесь хорошо, и с учредителями я теперь был знаком более чем близко, но... хорошо то, что кончается. И дело не в том, что я не оценил перехода из состояния «Где взять деньги?» в состояние «Куда девать эти бабки?». Просто я впечатлительный, и иногда мне кажется, что если еще пару недель я посижу на этом стуле, за этим столом, на этом этаже... То в один прекрасный день обнаружу, что стал всего лишь отростком большого кактуса в золотой кадке. К тому же у меня было предчувствие...

Константин уже минут пять стоял, ожидая, когда я перестану делать вид, что не способен заметить этого мастера топора. Еще минут пять до этого он пытался меня найти. Когда вокруг несколько десятков человек что-то прикручивают, прилаживают, тянут бесконечные провода и время от времени роняют что-то дорогое и бьющееся... пять минут – это быстро.

– Марк?

Рано. Пусть еще потопчется.

– Не мешает?

– Что не мешает?

– Камень за пазухой не давит на внутренние органы?

– Давит.

Камень давил, и его давление не могла унять даже такая приятная мелочь, как неожиданный размер моего счета в банке. Это были не самые большие поступления в моей жизни и даже не средние. Но для нынешнего беззаказного времени это было действительно хорошо.

– Костя, мне казалось, что «не местный» – это несколько более приземленно...

Константин вздохнул. Вздох его, вероятно, обладал мощным распугивающим действием. Внезапно этаж опустел, словно каждый сотрудник почувствовал крайнюю необходимость именно сейчас покурить, отлить, срочно попасть на прием к начальству – что угодно, только чтобы оказаться не здесь.

– Ты все видел. Тебе все сказали. Просто иногда нужно понимать буквально. Не местные мы. Поезда туда не ходят, и на самолете не долететь. Материнское дерево – это и есть материнское дерево. Оно позаботится – о ранах, быть может, на первый взгляд смертельных, или о ранах душевных... Но это лишь дерево. А у каждого дерева должен быть садовник...

– А у садовника должен быть топор... Угадать, Костя, зачем ты сюда пришел?

– Угадывать – не надо. Останешься?

– Прости, Костя, – ухожу.

Нет ни одной настоящей причины, почему я уходил. Но у меня действительно было предчувствие.

Оборудование, заказанное мною: несколько сотен камер, микрофонов и тысяч соединений, – устанавливали почти неделю. Еще неделя ушла на всевозможные отладки. А еще через месяц проблема кадров в «Объединенных Системах» была решена. Не то чтобы мне удалось решить проблему текучки... Просто теперь текучка не казалась чем-то угрожающим. По количеству кандидатов на место мы проигрывали ВГИКу, но обгоняли МГУ.

Вероятно, из-за острого приступа жадности Костя выплатил мне еще одну премию – в обмен на отказ от авторских прав на проект. Проект, напрочь лишивший компанию кадровых проблем, я назвал простенько и со вкусом – «Командный дух». Не верю, что вы не видели: «Каждый день на канале СТВ – единственное реалити-шоу про жизнь офиса». Рейтинги зашкаливают. Этажи без стен для телевидения – лучше не придумаешь. Ставки на тех, кто следующий вылетит из компании. Интересно, от чего «Объединенные Системы» сейчас получает больший доход – от шоу или от основного вида деятельности?

Думаю, если Хана снова решит кого-то убить, она сможет объявить конкурс среди желающих стать жертвой звезды.

Этот кризис явно не тянул на глобальность, зато решение проблемы у меня получилось масштабным. Привычка.

* * *

Чувство счастья от того, что будильник не нужен, и все равно – суббота или понедельник... еще не успело притупиться, когда почтовый ящик начал наполняться предложениями от потенциальных клиентов. Борьба с угрозой нашествия денежных знаков шла с переменным успехом. Лень и жадность с трудом пытались выявить сильнейшего, а поле битвы утешало себя спиртным, когда мое предчувствие обрело плоть...

Молния, прорезавшая воздух моего двора, обошлась без грома. Зато теперь между соседскими автомобилями висела огромная маслянистая капля. В последний раз я ее видел, когда Элли бросила меня, в знак прощания сделав круг над домом.

Я не дождался звонка, стука в дверь или вежливого покашливания. Элли просто материализовалась у меня на коленях, как будто никуда не улетала.

– Соскучился?

Через несколько минут она снова улетит, но на этот раз в экипаже космической яхты найдется место для специалиста по кризисам. Я действительно соскучился.

Сегодня она не маскировалась, зачем? Несмотря на лиловый оттенок кожи, довольно сильно выпирающие клыки, остроконечные уши с кисточками а-ля рысь, она была мне милее любой женщины этой планеты. И дело даже не в том, что мы земляки.

Шанс для неудачника

На этот раз не повезло сержанту Питеру. Мало того что его смена пришлась на субботу. Так еще и началась эта суббота с того, что корабль лаков «Счастливого» пошел на посадку в главном космодроме Фэйта.

Это было страшно. Питер слышал, как дребезжат плиты обшивки «Счастливого». Раньше он ни за что бы не поверил, что в момент посадки корабля можно услышать что-то, кроме рева тормозных двигателей.

В эту субботу сержанту довелось услышать еще один редкий звук. Двигатели «Счастливого» выключились за мгновение до того, как посадочные опоры коснулись плит космодрома. Если бы это был любой другой корабль, Питер вызвал бы медиков и группу захвата. На этот раз он ограничился ремонтной бригадой. Лаки были слишком везучими, чтобы с ними случилось что-то действительно серьезное.

Трое лаков, прилетевших на Фэйт, от космодрома направились к старинному зданию в центре столицы. В Доме Правительства их никто не ждал, но по странному совпадению в эту субботу министр иностранных дел оказался на посту – в своем кабинете. Охрана, всегда внимательная, сегодня так увлеклась трансляцией футбольного матча, что отреагировала на лаков лишь в тот момент, когда они уже поднимались на второй этаж по роскошной министерской лестнице.

Ни один из лаков не обернулся – ни когда охрана пыталась что-то крикнуть вслед, ни когда пуля взорвала лепку над их головами. Потом пошли осечки. Стоило охраннику нацелить пистолет на одного из лаков, как оружие теряло способность стрелять. Ворвавшись в кабинет к министру, охрана была министром же остановлена. Лаки уже сделали то, зачем пришли. Перед главным дипломатом Фэйта лежал желтоватый свиток, запечатанный сургучом. Лаки не обращали внимания на охрану и протоколы, но свято чтит собственные традиции. На родной планете лаков – Дестини – так оформляли и так вручали один документ. Ультиматум. По традиции, которая существовала только на Дестини, даже если ультиматум принимался, положено было дать два ответа. В одинаковых запечатанных конвертах. В одном – капитуляция. В другом – договор о вечном мире. Лак наугад выбирал конверт, этого было достаточно. Лаки слишком верили в удачу, чтобы ставить её под сомнение.

Трое чудом долетевших на корабле-развалюхе, трое игнорировавших выстрелы и свято верящих в собственную неуязвимость дали Фэйту время и возможность выбора. Неделю на то, чтобы решить – воевать или сдаться. Вероятно, ситуация приобрела бы более достоверные черты, если бы правительство Фэйта не знало всё о военной мощи Дестини. Лаки были храбры, быть может, даже безумно храбры, но одного этого для планеты, чей военный флот насчитывал два корабля, один из которых сейчас находился в ремонтных доках Фэйта, было маловато. Флот Фэйта насчитывал более сотни судов, включая два крейсера имперского класса.

До окончания ультиматума оставалось два дня, когда правительство решило обратиться к моим услугам.

Так это обычно и происходит. Меня порекомендовали в тот момент, когда уже были испробованы гадалки, политологи и запрос в Лигу Миров. Только после всего этого вспомнили о том, что кто-то когда-то, кажется, упоминал кого-то такого, который, чем черт не шутит – терять-то все равно нечего, – почему бы не попробовать?

Это может показаться странным, но у меня плохая репутация. Зарабатываю я много, но редко. Проблема в том, что я единственный в населенной Вселенной специалист по глобальным кризисам. И дело не в том, что по-настоящему глобальных кризисов мало. Дело в том, что

никто-никто не верит, что с ними может справиться специалист и что этот специалист существует. Моя девушка Элли считает, что мне нужна реклама. В моем случае это будет сильно смахивать на обещание Судного Дня.

Есть нюанс – я не занимаюсь цунами, схождением с орбит и взрывами сверхновых. Как правило.

Меня везли на Фэйт с таким тактом, что я стал всерьез думать о том, что сделан из чего-то очень тонкого, страшно бьющегося и легко воспламеняющегося. Наверное, они думали, что я согласился по ошибке.

Правительство Фэйта не стало оборудовать для меня кабинет. И в гостиницу меня не повезли тоже. Они просто выгнали немногочисленных посетителей из зала библиотеки, целиком посвященного лакам. Поверить в то, что все это кто-то в состоянии прочесть, было почти так же трудно, как поверить в то, что кто-то все это написал.

Если бы не сумма, переведенная на мой счет... До того как я приготовился говорить об авансе. Если бы не сумма – я бы отказался. Еще. Мне нравилось на Фэйте. Что совсем странно, мне понравился министр иностранных дел этой планеты.

Вероятно, чтобы я почувствовал себя совсем как дома, в библиотеку принесли кровать, стол и шкаф.

Фэйт не удивлял. Не блистал. Снег, дождь и град шли одновременно. Ветер, постоянно менявший направление, вероятно, был причиной местного характера. Среди местных жителей было немало упрямцев, но ни одного хитреца.

Космопорт был похож на огромный сарай, но в этом сарае было все, что нужно. Такими же были корабли Фэйта – если в них и была эстетика, то только потому, что этого требовали законы физики – совпало так.

Такой же было все на этой планете, от библиотеки, в которой, как предполагалось, я буду работать, до казино, где меня нашел министр. Я не игрок, просто до того, как министр нашел меня, я нашел в казино лаков.

На любой другой планете за мной послали бы сотрудников службы безопасности. Только не на Фэйте.

Министр притащил две огромные чаши с местным напитком – горячим, сладким и алкогольным, как раз настолько, чтобы оказаться лучшим напитком для местной погоды. Заговорил министр минут через пятнадцать. Вероятно, не хотел мне мешать наблюдать за лаками и наслаждаться напитком.

– Я вас представлял иначе. – И я представлял себе министров по-другому. Этот был невысоким, с окладистой бородой, широкими плечами и шеей борца. – Думал, к нам заявится целая команда с кучей техники и собственным поваром.

– Я тоже не знал, что министры ходят без охраны.

– Нигде не мог найти вашей фамилии, можно называть вас просто Марк?

– Легко, у моего народа нет фамилий.

– Забавно. У лаков тоже. У них вообще мало чего есть, тем они и опасны. Конечно, мы выиграем эту войну, но те, у кого почти ничего нет, ничего не теряют. А нам проще сдаться. Вы меня понимаете?

Министра не смутило, что я не ответил, ему было достаточно того, что я его услышал.

– Я навещу вас утром... – все-таки он был не один. Ведь не могли все эти люди уйти из казино одновременно просто так?

Лаки были очень везучими. Везучими настолько, что правительство Фэйта было склонно скорее принять ультиматум, чем рискнуть объявить войну. Соотношение сто к одному показалось им недостаточно убедительным, когда речь шла о противостоянии с Конфедерацией Дестини. Лаки были слишком везучими, чтобы хотя бы один человек на Фэйте верил в то, что они в состоянии выбрать конверт с условиями вечного мира. Как-то сразу захотелось предложить сделать два одинаковых конверта. Быстро расхотелось. Эпос планеты Дестини в основном был посвящен тому, как безжалостные лаки расправлялись с теми, кто пытался их обмануть.

Послы Дестини решили дождаться ответа в лучшем отеле Фэйта. На самом деле лучшим было казино, отель был всего лишь платным приложением, необходимым для тех, кто не хотел отрывать от игры время на проезд и отъезд. Стоит ли говорить о том, что казино вместе с отелем больше всего напоминало космопорт, то есть тоже сарай, но поменьше?

Лаки играли и ждали ответа. И ультиматум, и ответ на него можно было передать по дальней связи. Лаки считали иначе. Лаки чтит собственные традиции.

За пять дней, проведенных в казино, они ни разу не проиграли. Если так пойдет и дальше, им не понадобится воевать с Фэйтом, они его просто купят.

Везение лаков было оплачено тысячами поколений рождавшихся и погибавших на просторах Дестини. Человек, так назвавший планету, обладал своеобразным чувством юмора. Вероятно, имелась в виду та самая судьба, от которой не уйти. На Дестини мог выжить только невероятно везучий человек.

Спонтанные землетрясения и внезапно налетающие ураганы, магнитные бури, блуждающие реки, мгновенное изменение температуры от минус до плюс пятидесяти... Кусок железа, случайно заброшенный на эту планету, давно бы раскрошился. Лаки крепчали. За последние несколько поколений появилось несколько лаков, умерших своей смертью. Стоило ли удивляться, что правительство Фэйта собиралось через сорок восемь часов принять ультиматум?

Как можно победить в войне, если случайности превращаются в закономерности и каждая – против? Снайпер чихнет в момент выстрела, взводный перед атакой от спазма лишится голоса, часовой заснет? Ракеты взорвутся, не покинув спусковых шахт, флот, быть может, даже не сумеет вылететь из доков, наземная оборона из-за сбоя систем наведения потеряет цели...

Хотелось себя утешить мыслью, что везение лаков распространялось только на их планету, но история с доставкой ультиматума и столбики выигранных фишек говорили о другом. Я все ждал, непонятно чего, вероятно, тоже какого-то дикого везения, и оно не задержалось. На всякий случай я подошел поближе, чтобы как следует рассмотреть его – человека, который выиграл у лака. Везение получилось неполным – у лака выиграл другой лак. Фишка была в том, что впервые в этот вечер два лака сошлись у одного стола. У шарика на рулетке просто не осталось выбора.

Остаток дня я провел в библиотеке. Если я все правильно понял, ряд ученых пытались найти у лаков то, чего у них никогда не было, – государственное устройство. Небольшие кланы общались друг с другом в режиме – продать что-то ненужное, купить что-то важное.

Такая вещь, как ультиматум другой планете, была новинкой для Дестини. Обычно так выясняли отношения кланы лаков. Хроники пугали – ограничение свободной воли лаков, а принятие ультиматума – это всегда ограничение свободной воли, заканчивалось одинаково – вместе со свободой лаки теряли удачу. На Дестини это означает смерть.

Утром министр ждал меня в пяти метрах от моей постели. Все в той же библиотеке. Как обещал. Обычно я предпочитаю более значительные расстояния между собой – только что проснувшимся – и работодателем. Сегодня это было даже кстати. Мне нужно было получить

от него ответ на один-единственный вопрос. Что может сделать лака счастливым? Точнее – что может сделать лака счастливым серьезнее, чем полная капитуляция Фэйта?

Ответ министра был быстрым, подробным и точным. И совершенно неоптимистичным.

Лаков интересовали деньги. Но дело даже не в том, что они при желании могли очистить любое казино. Просто, если Фэйт сдастся – все деньги Фэйта и так достанутся лакам. Лаки любили женщин, но разве эта не самая старинная из привилегий завоевателей? Лаки хотели славы, но и тут выполнение ультиматума автоматически сделает их героями школьных учебников.

Было еще кое-что по мелочам, типа бессмертия, хорошего образования для детей и вообще детей – желательно много и мальчиков.

Я оставил министра с его ожиданием. Мне нужно было подумать. Если я не знаю еще чего-то важного о лаках, я уже все равно не узнаю – так что осталось найти выход. Как неудачнику победить счастливого, причем «терпение и труд» в нашем варианте не работали.

Машина, которая приехала за мной, была создана коренным жителем Фэйта. В ней не было ни одной кривой поверхности. Зато ехала она быстро, мягко и места хватило для всех. За мной приехали двое, не знаю, как по боевым качествам, но по весу каждый из них стоил пятерых.

На этот раз охрана Дома Правительства была внимательна, а может, им просто запретили смотреть футбол. К тому же, кажется, кто-то им намекнул, что, если меня хорошенько потереть, я начну выполнять желания. Отпустили меня неохотно, с явным желанием повторить процедуру обыска.

Потолок над лестницей, по которой мы поднимались, все еще хранил следы предупредительного выстрела, но я бы не сказал, что лепка от этого стала хуже.

В этом здании вообще трудно было что-то испортить. Зал, в который меня привели, больше всего напоминал столовую. То есть комнату, в которой собирается большая семья, чтобы помолиться и приступить к трапезе. Семеро плечистых мужиков внимательно рассматривали меня и были похожи на братьев. Не удивлюсь, если окажется, что Дом правительства строило это самое правительство. Эти бы – точно справились. Чувствовалось в них то, чего я искал, но так и не нашел в лаках, – эти были командой.

– Марк, вы нашли решение?

Минуту назад я бы вернул гонорар. Сейчас – я знал рецепт.

На Фэйте большие проблемы с бюрократией – в смысле её полного отсутствия, хотя, может, это на них так ультиматум повлиял... Правительство Фэйта уложилось в час. Печати поднимались и падали, сустились референты, хлопотали юристы. Все было сделано вовремя – до истечения ультиматума. Оставалось ждать, когда лаки придут за ответом.

Очень хотелось что-нибудь выпить, до состояния, когда уже не так важно все, кроме очередной порции выпитого. Не в этой компании. Правители Фэйта сосредоточенно изучали двери в зал. Двери как двери, большие и тяжелые, как будто на этой планете существует что-то легкое и маленькое.

Лаки появились за пять минут до истечения срока. Два конверта ждали их на столе. Я так и не смог спрогнозировать, кто из лаков будет выбирать конверт. Выглядело это странно, не сговариваясь, они одновременно взяли конверт, лежащий слева от них, причем ни один из них не удивился синхронности выбора. Лаки не удивляются. На Дестини удивляющиеся давно вымерли, удивление – роскошь для миров поспокойнее.

* * *

Сержанту Питеру не повезло еще раз. На этот раз в его смену лаки улетали. На всякий случай сержант не стал задерживаться на стартовой площадке – мало ли. Но после доков Фэйта корабль ушел в небо, как по линейке.

Через несколько часов вслед за кораблем лаков стартовали корабли Фэйта – персонал для расширяющегося посольства на Дестини. Вечный мир требует серьезного подхода.

Меня провожал министр. Я знал, что охрана где-то рядом, но мне было все равно. При желании, министр мог бы придушить меня и самостоятельно, перед посадкой он меня обнял. Бывало и хуже, но тогда меня пытались убить.

– Сынок, как ты это сделал?

– Все сделали вы.

– Я понимаю, но я не понимаю, как это сработало.

За час работы правительство Фэйта создало небольшой банк и подарило его тем трем лакам, которые привезли ультиматум. Тут же назначенный управляющий банком купил небольшой телеканал и несколько массажных салонов. Деньги, женщины и слава – все это было в распоряжении лаков. Было только одно условие – война между Дестини и Фэйтом аннулировала сделку. Никакая победоносная война не сделала бы богаче именно этих трех лаков, и пусть сами они об этом не знали, об этом знало их везение.

Им повезло. Лакам всегда везло. Но главное, что везло им каждому в отдельности.

Настоящая любовь

...Зато пива здесь было – немерено. На ночь точно хватит, а в утро верилось слабо. Мне ни разу не доводилось слышать, чтобы после атаки панцирников кто-то выжил. Если быть более точным, мне не доводилось слышать, чтобы выжил любой, кто увидел панцирника. Я был первым. Но это ненадолго. Где-то до утра.

Пятый бокал пива, а я все не чувствую вкуса. Если утро все же наступит, оно должно меня научить одному – верить клиентам нельзя. Даже если они оплатили аванс. Особенно когда они оплатили аванс, не торгуясь, огромный. Денег у меня было много. Непонятно только, на что их тут можно потратить. Пиво, кое-что крепче, нехитрая закуска, при желании можно купить весь этот кабац вместе с номерами на втором этаже и десятком женщин разного возраста, веса, роста, умения. Одна сидела напротив. Конечно, если она еще на сантиметр задерет юбку, я не выдержу и брошусь к ней в объятия. Сейчас.

Что во мне такого привлекательного? Обгоревшая одежда, одна штанина короче другой, и вовсе не потому, что симметрия вышла из моды. Просто этот кусок горел быстрее, чем все остальное.

Мой корабль упал в двух кварталах отсюда. Если бы не панцирники, я бы убил сотни людей и развалил пару домов. Панцирники проделали всё это неделю назад, поэтому единственным пострадавшим оказался я.

Спасти удалось немного – только то, что было на мне, если забыть о штанах.

В корабле осталась куча полезных вещей типа коммуникатора, оружия и нормальной одежды. Осталась – это несколько преувеличено. Ярко и хорошо горела – так вернее. Я не слышу одним ухом. И очень хочется умыться. Что она на меня так смотрит? Я и так знаю, что весь в пыли, крови, но эта чертова пивная – единственное, что светилось в округе, и у меня просто не было сил идти дальше. Я первый раз пью пиво на такой высоте. Я бывал в ресторанах, расположенных куда выше, но там как-то все больше напитки благородные и дорогие. Пивная на седьмом этаже – это довольно причудливо. Будь она на первом, я бы её скорее всего просто не заметил. В округе почти все дома двух-трехэтажные, и этот воспринимался почти что башней. Выше – только звезды. Проклятые звезды.

У них тут только пиво и пиво покрепче. Электричество идет от чудом уцелевшего кабеля, и холодильник полон. Место, в котором мне отчаянно хотелось бы осмотреться и попытаться привести себя в пристойный вид, отсутствует напрочь. Может, у них не принято? А кружки с виду чистые...

Народ приходил и уходил, изредка поднимался на этаж выше.

Наверное, они так жили всегда. Здесь все было так обыденно, что как-то не верилось в то, что неделя войны с панцирниками сделала их такими. Боже, она мне улыбалась... Какое счастье, что я не стал стоматологом! Я отвернулся и могу не смотреть, а они так на жизнь зарабатывают.

– Мне все равно что, лишь бы крепкое и холодное... Ты ведь угостишь меня?

Наверное, решила, что если я не ведусь на обнаженную плоть, то обязательно сработает улыбка. Может, местные настолько талантливы, что способны безошибочно определять наличие денег, или настолько тупы, что неспособны протянуть тонкую нить логики от того, как человек одет, к тому, что он в состоянии, а что нет? Я угощу её. Пусть хоть кто-то будет в эту ночь счастливым.

– Меня зовут Кэрэн, а как ты хочешь, чтобы я тебя называла?

Я внимательно осмотрелся. Нет. Это она мне. Отрыв взгляда от кружки, связанный с осмотром местных жителей, дал результат. Кажется, мы все тут только что выбрались из рухнувшего корабля. Я не видел вывески, но знаю, что там написано: «Отель „У погибшего звез-

долетчика“». На самом деле – какая разница, откуда именно ты выбрался, главное, что жив. Умрем мы точно скоро, и, похоже что одновременно.

Панцирники давно были бедой, но бедой далекой. Время от времени они с кем-то сталкивались, и это неизменно кончалось гибелью тех, кто с ними столкнулся. Собственно, вся информация о панцирниках сводилась к случайно перехваченным сигналам уже гибнущих кораблей. Известно было мало, но малого должно было хватить, чтобы не соваться на планету, которой не повезло оказаться на пути у флота этих чудовищ.

Панцирники – те, о которых мы знали, – передвигались большими соединениями, за дальними пределами обжитого космоса, были всегда вооружены и всегда первыми вступали в контакт. Что характерно – вступали отменно вежливо и на языке тех, кого встречали. Представьте себе – летите вы, никого не трогаете, и вдруг с вами заговаривает чудище, больше всего похожее на черепаху, из-под панциря которой свисает густая зеленая слизь, что само по себе неприятно, но у создания еще есть голова. Находится сверху на панцире и расположением сильно напоминает башню танка. Только очень уродливую башню. Глаза, большие и маленькие, беспорядочно разбросаны по голове этого существа и время от времени, чтобы наблюдатель не скучал, – открываются и закрываются. Я сказал, что у панцирника огромный двойной рот и внутри у этого четырехстворчатого рта что-то постоянно шевелится? Уже просто для проформы все это зрелище сопровождается четырьмя парами ложноножек, непрестанно то переплетающихся, то расплетающихся...

У президента Феофании была своя теория. Он считал, что с панцирниками можно договориться. Для этого я ему и понадобился. Планировалось, что меня встретят, и я, проанализировав всю информацию, предложу что-нибудь президенту и правительству и мирно отбуду вместе с другими спешно покидавшими Феофанию путешественниками.

Кстати, умные местные жители уже давно пили пиво далеко от панцирников и от Феофании. Умные и богатые. Боюсь, любительница крепкого и холодного не накопит средств на билет отсюда, даже если отдастся всем мужчинам этого города.

Я знаю еще одну печальную вещь. В Империи были рады, что Феофания в нее не входит. Пришлось бы в дело вступить имперскому флоту, а Император совсем не хотел из-за какой-то там планеты остаться без флота.

До панцирников оставалось километров шестьсот. Они наступали с севера на юг, и скорость их наступления была не связана с сопротивлением местной армии. Сто километров в час. Именно на такой скорости они гарантированно уничтожали все живое. Методичные ребята. Феофанию было жаль, но зато теперь мы знали о панцирниках в сотни раз больше. В сотни раз больше для того, чтобы, завидя их, тут же бежать без оглядки.

Две недели назад армада панцирников вошла в местную солнечную систему. Зачем они это сделали – пополнить припасы, остановиться передохнуть или их привлекли местные красоты, – останется неизвестно. Флагман флота вышел на связь с правительством. По уже известной традиции они были вежливы и деликатны. Они даже предупредили, что разумный вид, населяющий систему, будет уничтожен. И принялись за дело.

Вероятно, когда президент Феофании приглашал меня, он не знал, что панцирники еще никогда никому не угрожали. Это же не угроза – сообщить, что собираешься делать? Что они всерьез. И если какой-то специалист летит к планете, которой занялись панцирники, они не извиняются – прости, брат, не лети сюда, туда лети.

А может, он в суматохе забыл, что кого-то там приглашал, и сейчас, покинув родную систему, вспомнил о неудачливом специалисте по глобальным кризисам, хлопнул в ладоши, вздохнул и, кто знает, даже воскликнул: «Вот не повезло парню-то, а!»

А ведь Империи известны планеты вполне даже пригодные для жизни, кроме того, что жизни этой там близко нет. Если я прав, можно составить маршрут следования панцирников. Был бы у меня коммуникатор, мог бы порадовать живых мудрой мыслью.

– Пора и мне тебя угостить? У меня наверху уютно и тихо... И можно умыться, – для убедительности Кэрэн попыталась затолкать край юбки куда-то уж совсем высоко... и я сдался. Кто бы мог подумать, что меня так легко заманить литром воды? Что-то в глубине моего уже приготовившегося умирать мозга шевельнулось и потянулось к чистоте. Я вдруг понял, что вместо трансляции народ слушает какой-то местный хит, который ни разу не сменился на что-то еще за тот час, что я посвятил пиву и Кэрэн.

Надо понимать, что местные журналисты уже тоже либо свалили, либо готовились умирать. Остались я, Кэрэн и все те, кто при рождении не сообразил ни серебряную ложку в рот запихнуть, ни рубашку накинуть...

По крайней мере я себя напоследок увижу – там, где есть вода, должно быть и зеркало.

Меня ждал сюрприз. Оказалось, что достаточно снять с уха корку засохшей крови, как слух ко мне вернулся во всей красе стерео. А всё горячая вода – бережно выливаемая на меня Кэрэн. Огромное махровое полотенце задумывалось как предмет коллективного пользования, но я справился сам. Мне было хорошо. Чистый, теплый и уверенный в своем будущем. Чего еще? Кэрэн знала чего еще – объем сосуда не оставлял сомнений в крепости напитка. Я не ошибся. Мне стало еще лучше, а потом Кэрэн совершила чудо. Я как раз закончил формулировать просьбу дать мне просто поспать, когда в комнату вошла ОНА. То есть я даже знал, как её зовут... Вероятно, Кэрэн тоже умылась. Или дело было в том крепком, чего я выпил много?

Ну ведь не в длине же ног? И на самом деле – никто не знает, в чем именно. Потому что есть ведь такие – никаких изысков и глаз косит, а ты уже дышишь через раз, и все неважно, дайте дверь заколочу гвоздями, чтобы не убежала никуда.

Кэрэн меня любила. Это неважно, любил ли я её. Любовь такая штука, что если её много у кого-то одного – этого хватает обоим. Она хотела меня и хотела моих денег. Она могла забрать всё, но по неведомому мне тарифу высчитала сумму и аккуратно спрятала остаток в почти целый карман моих штанов. Эти деньги сгорят вместе с нами еще до рассвета, но Кэрэн – все равно. Как я сразу не заметил у нее эту чудесную родинку сантиметров на пять ниже пупка?

В этой жизни Кэрэн умела делать только две вещи – считать деньги и любить.

Это хорошо, что меня скоро убьют. Любовь – худшая из зависимостей, я не вышел бы отсюда до тех пор, пока Кэрэн своими маленькими пальчиками не отсчитает последнюю купюру. Я вышел бы отсюда ненадолго, чтобы обчистить первого попавшегося лишь для того, чтоб вернуться.

У президента Феофании была теория. То есть теория была у спецов, но, как это часто бывает, после того как президент её услышал, теория поменяла хозяина. Она была простой и понятной. Настолько, чтобы в неё можно было поверить. Спецы предположили, что панцирники – очень сильные эмпаты.

Панцирники чувствовали чужие эмоции. И, что нормально для эмпатов, не отличались сдержанностью.

Можно вообще не моргать. Можно заморозить мимические мышцы. Но нельзя не ужаснуться при виде панцирника. И панцирники чувствовали этот ужас. И отвечали. Примерно так мог бы ответить опарыш, прочувствовав гамму чувств барышни, только что обнаружившей личинку у себя в супе. По счастью, у опарышей нет космического флота.

Теория хорошая. Жаль, на практике она буксовала.

Президент начал с местного общества любителей животных. Я видел фотографии местной фауны. Я понимал президента, такое нельзя защищать, если только по какой-то странной прихоти не полюбить.

Делегация встречала флот панцирников на дальних подступах системы. Недолго встречала, секунд пятнадцать. Вероятно, именно столько понадобилось, чтобы панцирники поздоровались и уничтожили делегацию. С корабля велась трансляция, так что мы точно знаем, что панцирники поздоровались.

Потом опыт поставили на поклонниках местного культа. С учетом того, что их верховное божество сильно смахивало на черепаху и местное писание велело его любить сильнее жизни, – можно было на что-то надеяться. Но не нужно было. Служители культа сплеховали. Вероятно, они больше боялись, чем любили... В религиях так бывает.

Делегацию политиков собирали долго, набралось два человека. В это время нормальные политики уже были довольно далеко от родной планеты. Не знаю, почему президент Феофании решил, что политик в состоянии кого-то полюбить. Разве что в ванной перед зеркалом. Политики продержались не дольше остальных.

У меня был свой план. Не такой красивый, как теория президента, но все же. Теперь уже неработающий, но был.

Когда на подлете к системе я обнаружил, что меня никто не встречает... То есть не встречают представители клиента – панцирники были уже тут как тут – я решил, что аванс все же получен, а значит, нужно хотя бы попытаться его отработать.

Я не верил в теории, но у меня был план. Мне казалось – простой и безопасный.

Обычно панцирники вступали в контакт в пределах поражения своим оружием. План был простой – вступить в контакт и тут же оторваться от преследования. Мне казалось, что если бы удалось чуть-чуть дольше пообщаться с панцирниками – могло бы что-то получиться. Мой корабль был действительно очень быстрым. Недолго.

Вероятно, предел поражения оружия панцирников был больше, чем расстояние, которое им нужно было для контакта. Я не успел ничего сказать.

Простые планы часто бывают не лучше хороших теорий. Мы с президентом ошиблись. Только он далеко и в безопасности, а я падал на его родную планету.

С другой стороны, я видел панцирника – он со мной поздоровался – и все еще жив. Нас таких мало. Скоро снова не останется ни одного.

Мешало время. Я чувствовал, что оно вытекает и уже не вернется обратно. Женщине, которая была со мной, – было неважно, сколько минут до рассвета, она любила меня так, что этого должно было хватить на двоих. У Кэрэн очень маленький лоб. Вероятно, чтобы любить, мозг не нужен.

Тьма за окном уже потеряла силу, когда панцирники напомнили о себе. Пока что это был только звук – рев двигателей штурмовиков. Скоро нам покажут картинку.

Я разбудил Кэрэн. Я заставил её собрать всех подруг. Это было нетрудно – у меня все еще было денег больше, чем я успею потратить. Мы поднялись на крышу. Нас было одиннадцать – девять женщин, я и махровое полотенце.

Мы смотрели в небо. Это редко, когда взрослые мужчины и женщины смотрят в небо. Это почти никогда, чтобы смотрели так.

На Феофании очень красивые облака, наверное, из-за того, что небо здесь низкое и темное, почти фиолетовое. Солнце еще не включилось на полную катушку, и можно было любоваться сразу и облаками, и звездами. Не худший вариант. Одна из звезд погасла, потом еще одна – небольшой катер панцирника летел к нам, темный на темном фоне.

Я отвернулся. Я решил смотреть в тот край неба, который еще не испорчен панцирниками. По моим расчетам ждать осталось недолго. Недолго все тянулось и тянулось. Небо светлело, звезды гасли, я все ждал, когда же вся жизнь пронесется перед глазами? Не проносилась.

Поворачивать голову было трудно, страшно – вот увижу чего там и...

Катер панцирника висел метрах в трех над нами. Мне не рассказывали, что они делают свои корабли прозрачными, – я мог рассмотреть врага во всех деталях. Просто некому было. До сих пор мне доводилось видеть панцирников только на экране. Вид снизу вверх – был не лучше. Ложноножки копошились, переплетаясь друг с другом, все это происходило в чем-то очень похожем на гной – жидкое, неприятное, вязкое, зеленое. Я уже никогда не полюблю цвет молодой травы.

Я не сразу понял, что не так. Мы были живы, и я больше не слышал рева. Девять женщин замерли на крыше. Девять женщин смотрели на панцирника... Любовь сочилась от крыши к панцирнику и дальше – до самых звезд...

Они были прекрасны. Чтобы заслужить такой взгляд, большинство нормальных мужчин готовы жертвовать литры крови, килограммы мяса. Девять обнаженных женщин на бетонной крыше – почти не касаясь ногами, вытянулись вперед и вверх – туда, где завис кораблик панцирника.

Его голос был мягким, бархатным, низким для женского и высоким для мужского. Так не говорят, так в унисон может петь хор... Панцирник заговорил:

– Приветствуем вас, объединяющие души!

Я ждал. Я все еще ждал, когда кораблик ушел за линию горизонта. Было странно – мне нравилось дышать. Никогда не думал, что это так приятно. Кэрен уже довольно долго тормошила меня за плечо. Кэрен что-то говорила. Где-то через вечность я наконец понял, что именно. Кэрен предлагала мне скидку, если я останусь с ней еще на одну ночь.

Панцирники бросили начатое дело и исчезли. Через неделю на планету вернулись президент и правительство. Через две они меня нашли. Вовремя. Одних лишь денег было недостаточно, чтобы выбраться отсюда, но хватило бы еще надолго, чтобы ни в чем не отказывать себе здесь, и я уже стал подумывать о том, чтобы прикупить небольшую развалину рядом с пивной. И это меня пугало.

Я получил из рук президента новый коммуникатор и даже какой-то орден. Что меня порадовало больше – это билет на шаттл, который должен был меня забрать с Феофании.

Президент торжествовал. Он с легкостью забыл свою старую теорию и придумал новую. Что это я? Кто-то из советников подарил ему новую. Теперь оказалось, что панцирники были не эмпадами, а убежденными нудистами. Когда они, наконец, увидели красоту обнаженных тел, они поняли, что среди жителей этой планеты все же попадаются приличные люди, и решили, что нас нужно оставить в покое.

Еще бы – единственное, что оставили после своего ухода панцирники в качестве объяснения, чего же это они решили пощадить Феофанию, – это небольшой эротический фильм, снятый на крыше одной местной восьмизатжки. Моя роль была одной из главных, но для съемок я бы подготовил что-то другое. Теперь каждый житель планеты знает, что в критические моменты я отворачиваюсь и замираю. Кажется, примерно так поступают тараканы на планете Земля, хорошо хоть мне не пришлось в голову упасть и притвориться мертвым.

Я знаю другое. Панцирники не исчезли с наших трасс и так же вежливо здороваются, чтобы затем... – нет-нет, просто улететь. Я видел панцирника так близко, как не видел никто из выживших, – ничего омерзительнее мне видеть не приходилось.

Я рассмотрел в прозрачном корабле то, что подтвердили через год экзобиологи. Тело панцирника нашли неподалеку от притона, где я провел больше недели. Каким-то чудом его корабль был сбит местными военными в самом начале кампании. Те, кого мы принимали за панцирников, ими не являлись. Каждый из них был парой существ, слившихся в бесконечном акте. Их щупальца, всегда ласкающие друг друга, их головы, сросшиеся в бесконечном поцелуе... Это должно было показаться отвратительно...

Президент был прав. Панцирники – эмпаты. Для них должно быть нормально, как и для любого другого существа, попытаться понять, кто встретился на их пути. Для панцирников должно быть нормально – ужаснуться нам. И дело не в том, что именно чувствовал каждый из тех, кто услышал приветствие панцирника, дело в том, что каждый из них не почувствовал.

Для панцирников, проводящих всю жизнь в бесконечном обожании друг друга, нормально считать, что существо не любящее – требуется уничтожить. Они не знают, что не любить – не значит ненавидеть. Теперь они знают – мы тоже способны любить, и, вероятно, чрезвычайно удивляются, почему у нас это встречается так редко. Теперь они знают – мы тоже люди – в их понимании. Неполноценные, но все-таки люди.

Просто президент Феофании выбрал не тех делегатов. И дело никогда не в деньгах – дело в способности. Я знаю, что девять женщин на крыше любили панцирника. Я ведь заплатил каждой за целый день. Любили по-настоящему, только настоящая любовь могла преодолеть мой страх и мою ненависть.

Я никогда не вернусь на Феофанию.

Планета Мертвого Бога

Элли – моя девушка, причем – моя очень выборочно. Примерно два раза в год, когда её яхта «Фея» заходит на посадку рядом с моим домом, и до момента взлета. Одним не самым жарким летом мы были вдвоем неделю. Об этом чудесном времени мне напоминает шрам на руке. Ничего такого – я разбил стекло в оконной раме. В этот момент мне нужно было кого-то ударить. Я ударил окно.

На этот раз Элли предложила прокатиться с ней к солнцу системы Джунго. Две недели с моей девушкой – это много. Но у меня не было шансов отказаться. Мы летели навстречу дракону. Фишка в том, что лететь к нему навстречу – не фокус. Фокус в том, что на этот раз у нас были шансы его увидеть.

Да, и надо будет заранее присмотреть что-нибудь легко бьющееся и одновременно не оставляющее шрамов.

Нет планеты, на которой не было бы мифа о драконе. Мифы есть, драконов нет. Встречаются большие и маленькие змеи, летающие ящерицы и плюющиеся огнем рыбы... Близко, но не то. Не хватает двух важных деталей. Дракон должен быть прекрасен и как бы это? Если во Вселенной существует магия, то драконы должны состоять именно из неё. Или магия – это и есть драконы. Тут легко запутаться.

В принципе, если мотаться по Галактике каждый раз, когда кому-то привидится дракон, – путешествие будет долгим, безрадостным и где-то с пятой попытки возникнет жгучее желание убивать каждого, кто просто осмелился вслух произнести слово, которое на «дра» начинается и на «кон» заканчивается. Элли была в самом начале этого пути, но ей уже повезло. На этот раз дракона видели не где-нибудь, а в системе Джунго, у планеты Остентум. Что еще важнее, видели именно коренные обитатели Остентума – народ не просто особенный – странный.

Остентум часто называют планетой Мертвого Бога. В свое время местные жители не просто нашли бога, но смогли его убить. В отличие от других планет, где чего только не делали жители с богами, но все же чаще – боги с ними, на Остентуме вся история хорошо запротоколирована и подтверждена многочисленными свидетельскими показаниями.

Останки бога – главная достопримечательность и один из основных источников доходов планеты. Туристы любят запечатлеть себя у останков. Скелет Бога производит впечатление – почти пять метров в высоту, и сияющие кости правой ступни. Остальные кости тоже сохранились, но не сияют. По преданию, правая ступня приносит удачу, поэтому каждый пытается прикоснуться именно к ней. Что-то мне подсказывает, что речь не идет о руках или черепе просто потому, что до них не дотянутся.

На свою беду, Бог появился на Остентуме в момент, когда местные разумные уже перешли от копий и стрел к примитивному огнестрельному оружию. Бог лечил, кормил, поил, причем совершенно бесплатно, что, вероятно, плохо сказалось на ценах. Было бы странно, если бы кто-то продолжал платить столько же, если буквально за углом можно получить примерно то же, но без денег.

У Бога было бы больше шансов, если бы он оставался там, где впервые его заметили, – в нескольких километрах от города. И для конкуренции не так критично, и убежать легче. В городе ему скрыться было трудно, а при его пяти метрах роста в него было просто невозможно не попасть. Если бы он вступил в бой, если бы он хотя бы сдвинулся с места, когда два десятка мушкетеров вышли на позиции... Увы, Бог принял три залпа, не пытаясь атаковать своих противников или хотя бы увернуться.

Он был все еще жив, когда его принесли на рыночную площадь и выставили в специально построенной для такого случая клетки. Наверное, он мог вылечить себя и даже создать себе еду и питье. Вместо этого Бог три дня умирал.

Цены вернулись на прежнюю высоту и не остановились на достигнутом. Победители компенсировали убытки.

Но особенными жителей Остентума делала вовсе не их готовность убить кого угодно, если он угрожает их бизнесу. Эта черта, напротив, делает их близкими и понятными для подавляющего количества миров Галактики. Особенность была в другом – все незнакомое для жителя Остентума было вызовом. И ответ на этот вызов запрограммирован только один – уничтожить или покорить.

Вероятно, поэтому планета Мертвого Бога была славна костями. Местным легко давалась смерть.

И это на планете, где странным образом не прижилось массовое производство, а вместе с ним как-то не случилось даже осадных орудий, не говоря о таких радостях цивилизации, как танки, авианосцы и баллистические ракеты. Даже с бомбами – у местных не сложилось. Все потому, что туземцы никогда не воевали всерьез. Не было у них ни армий, ни стран, за честь, деньги и любовь к которым можно было бы умереть. Вероятно, для того, чтобы построить завод или создать армию, нужно иметь в наличии людей довольно покорных, таких, которые, если их заставят маршировать по плацу, убьют не сразу, а немного подумают о последствиях. Ярость жителей Остентума странным образом уберегла планету от массовых побоищ. В результате местные так и баловались понемногу – изничтожали преступников, опасных зверей и богов.

Нас встречали. Можно сколько угодно повторять самому себе, что все это чепуха, только официально Империя и Остентум в состоянии войны. Уже лет пятьдесят как. И пусть за последние сорок пять никто не был убит, все равно – бодрит.

Война между Империей и Остентумом носит такой специальный характер по одной веской причине. Единственный имперский крейсер мог бы начать и закончить войну примерно за два витка вокруг планеты. И дело вовсе не в особой гуманности. Дело в кермите. Очень полезный минерал. Дорогой и редкий. Дико радиоактивный, но, что характерно, – не для туземцев. Все города местных находились в окружении гор, фактически города-крепости. И горы эти состояли из кермита. Вот с таким сочетанием полезных ископаемых и рабочих ресурсов по их добыче воевать Империи совсем не хотелось.

Поэтому, когда в окрестностях Джунго появляется дракон, а у нас с Элли возникает желание на него посмотреть, нам практически шепотом, но настойчивым и строгим, рекомендуют, перед тем как осматривать дракона, приземлиться на Остентуме и взять с собой компанию местных драконофилов. Вдруг этот дружеский жест поможет как-то снять напряжение между Империей и ее потенциальными запасами кермита.

Я не ошибся. Кермит уже принадлежит Империи. Пусть жители Остентума об этом и не подозревают. Вопрос только в том, когда Империя приступит к его промышленной добыче и какими будут необходимые для этого инвестиции. Залпы с орбиты и жертвы среди местного населения, вылеты боевых шаттлов с имперским десантом на борту и скромные гранитные обелиски Александринского мемориала – все будет подсчитано и внесено в графу «расходы». Кермит перекроет все, Империя всегда остается в плюсе.

Мы согласились. Когда шепот доносится из имперской канцелярии – проще согласиться.

Почетная делегация по встрече нас состояла из четверых бойцов. Трое мужчин и девушка. Тот случай, когда было сразу понятно, что не дипломаты. И на умниц наши пассажиры не тянули. Есть такой особенный вид юмора, который не спрягается с интеллектом. Причем, о чем шутят, понятно, даже если не знаешь языка. Издалека.

Трое парней и девушка. И в то, что эти метко стреляют, – верилось сразу, а вот насчет исследований – как-то никак.

Наверное, дело в мундирах, но как-то даже не верилось, что у них имена есть, у каждого свое. И это несмотря на то, что пошив был, естественно, не фабричный. У бойца женского пола форменная ткань выглядела явно богаче, чем у спутников, и это не считая вставок из чего-то переливающегося на свету в рукавах и штанинах, к тому же этой ткани пошло на неё явно меньше, не потому что она такая вся миниатюрная, просто в её случае портной старался, чтобы все было выпукло. Иногда казалось, что вот-вот порвется.

У старшего – все было как-то просторно и явно не из последней коллекции, даже не из предпоследней. У еще двоих, вероятно, все сбережения ушли на сложное сооружение из проволоки вокруг воротника. Смотрелось это как очень модные ошейники, причем казалось, что они заканчиваются острыми гранями, и становилось как-то страшно – когда же польется кровь?

И все же это была именно форма, хватало общего тона, покроя, шевронов и петлиц.

Перед нами был такой четырехглавый – ну да – снова дракон.

Худенькая, высокая девчонка, и только немного широковатые плечи и большие ладони выдавали годы тренировок. Два крепких парня того частого типа, вспоминая о которых, можешь сказать только то, что серьезные были ребята, то есть их бицепсы впечатляют сильнее лиц, и все они кажутся родственниками не дальше двоюродных. И зовут их – похоже, даже если совершенно по-разному. Четвертый член команды – сухой, невысокий, той степени сухости, когда понимаешь – в этом теле осталось только нужное, только закаленное и обученное. Старший. Вероятно, в каком-то серьезном звании. Он выждал секунд пять, успев, вероятно, вычислить все наши тактико-технические характеристики, после чего поднялся, за ним – с четкостью спускового механизма – поднялись остальные. Они пытались имитировать неприужденность – встали, потому что того требует этикет. Получалось плохо. Получалось так, что они изо всех сил старались остаться на месте и не сделать шаг вперед, чтобы оказаться на расстоянии удара. То есть мозг брал верх над привычкой, но с большим трудом. Мы для них были вызовом. Нас требовалось или покорить, или уничтожить, мешал этикет и то, что мы были им нужны. Остентум хотел посмотреть на дракона вблизи, без корабля и его экипажа это было сделать трудно.

– Капитан Сивер, – и рукопожатие было сухим и точным – достаточно сильным и достаточно бережным. Чтобы вызвать максимальное доверие. У меня не вызвало. Я вообще как-то плохо реагирую на людей, которые пытаются у меня вызвать доверие. «Для чего бы это им нужно?» – задаю я себе вопрос и не нахожу ни одной причины, которой не стоило бы опасаться.

– Лейтенанты Феликс, Басса, Квинт.

У лейтенантов с рукопожатием было хуже, Басса – просто вкладывала ладошку и ждала, когда её пожмут, Феликс и Квинт жали со всей дури. Понадеялся, что только мне, но, судя по гримасе, – Элли тоже досталось. Надо все-таки как-то запомнить, кто из них Феликс, а кто Квинт. У Феликса форма с синим отливом, а у Квинта запонки. Все равно перепутаю – попросить носить таблички?

Было довольно трудно разобраться, нас конвоируют или оказывают знаки внимания. Если это были знаки, то они были предельно понятными – нас окружили и, просто начав идти, препроводили к местному транспорту. Капитан сел к рычагам.

Никогда не думал, что можно так украсить мини-вэн. Каждая деталь была произведением искусства; деревянный поручень, тянувшийся вдоль бортов... только убедившись, что местные бестрепетно за него держатся, я тоже решил взяться. Вовремя. Капитан решил, что в хорошо перемешанном и взболтанном виде мы будем лучше. Мини-вэн был снабжен единственным сиденьем – водительским, вероятно для лучшей вместимости. Поручень был просто необхо-

дим. У меня под рукой разворачивалась битва. Пятеро крошечных туземцев атаковали то ли крылатого кита, то ли зубатого, сильно располневшего орла с раздвоенным хвостом и зубатой пастью. Резчику хватило десяти сантиметров. Было удобно. Будто изображая всю эту сцену, художник умудрился еще и снять мерку с моей руки, и делал все так, чтобы мне сейчас было хорошо держаться. Лейтенанты не обращали внимания на рельеф поручня, все трое делали вид, что ничего интереснее каменистой пустоши за окном они никогда не видели. Насладившись поручнем, я изучал пол. Там был изображен другой сюжет. Сотни крыльев из перьев и кожи, переплетаясь, украшали поверхность, предназначенную для того, чтобы на ней стояли и по ней ходили. Я начал понимать, зачем им нужен дракон. Не удивлюсь, если на планете нет птиц, местные, кажется, просто ненавидели крылатых.

Лучше всех было Элли, она держалась за меня и не мучилась угрызениями совести по поводу возможного уничтожения местного шедевра. Ей было удобно, может, кто-то снимал мерку с ее ладошки, когда проектировал меня?

Не знаю, куда положено возить гостей. В моей практике все было довольно просто – поесть, отдохнуть и заняться делом. Нас привезли в столичный музей Остентума. Расширять кругозор на пустой желудок.

Сразу было трудно понять, что за музей. Так или иначе, каждый музей – он в честь чего-то. Этот, на первый взгляд, посвящен вымершим видам. Тем, которые покрупнее и опаснее, причем настолько, что, глядя на них, было понятно, как убивали они, но оставалось совершенно неясно, каким образом они прекратили свое существование. В голову приходило две версии. Первая – передавили друг друга. Вторая – съели всех вокруг и тихо умерли с голоду.

Но нет. Музей был о другом. Каждый экземпляр был не вымершим, а убитым. Причем убийца у всех был один и тот же – разумный и яростный обитатель Остентума.

Каждое убийство – шедевр. Ни облав, ни ловушек – туземцы уничтожали превосходящие силы, то умудряясь попасть стрелой в глаз, то копьем в ухо, и часто с какого-то дикого расстояния, иногда в прыжке.

Музей достижений убийств. Спецслужбы десятков планет мечтали о местных бойцах. Напрасно. Немногочисленные бойцы Остентума служили только своему королевскому дому. И в этой службе не было ничего от подчинения. По местным традициям, молодые люди, поступавшие на службу, не клялись выполнять приказы. Они брали корону под свою защиту. Не самое легкое дело управлять такими бойцами. Одна неверная команда – и твои бойцы могут решить, что ты бросил им вызов. А с вызовами они поступали с пугающим однообразием.

К тому же принципу сводились отношения Остентума с окружающим миром. Все, что непонятно, все, что может угрожать, должно быть поймано и убито.

Жемчужиной коллекции был, конечно же, скелет Мертвого Бога. Не для местных. Его убили обыденно и безыскусно. Им было нечем гордиться.

Империи контакт с Остентумом дался тяжело. Местные при всем желании не могли поймать и казнить Империю, чего нельзя сказать о её подданных. Будущая имперская миссия разрушалась три раза, несмотря на лучшие из возможных систем защиты. Они просто выходили из строя. На сотнях планет работали и отключались, только если кто-то выключал, только не на Остентуме. И как-то эти сбои совпадали с атаками местных.

В последний раз сотрудников убили не сразу, их морили голодом. Когда имперские генералы размышляли над методами заключения договора с Остентумом, они пришли к двум – разбомбить вообще все или только самые крупные города.

Туристы недоверчиво рассматривают хроники конфликта, пытаясь уловить, в чем подвох. Против туристов Остентум не возражает. Гиды радостно улыбаются и уверяют, что ника-

кого подвоха нет, предлагают продолжить экскурсию на кладбище для имперских подданных. Недорого.

Кладбище довольно большое. Кроме погибших во время попытки основать базу на планете, здесь покоятся уже несколько поколений эмигрантов. В основном миссионеры и члены их семей – представители десятков религий высаживались на Планету Мертвого Бога. Обзавестись прихожанами из местных ни одному из них не удалось.

Если не быть миссионером, то догадаться о таком результате можно заранее. Трудно ожидать прихожан от народа, который не сумел изобрести ни одной религии за десятки тысяч лет существования местной цивилизации. Вероятно, сама мысль о том, что кто-то сильнее и могущественнее тебя, уничтожала веру в любых богов в зародыше. Единственный способ доказать им наличие чего-либо сверхъестественного – дать его пощупать. Вероятно, если бы им не удалось его убить, они бы тут же уверовали.

Миссионеры остались в гостях на планете поголовно неверующих. Общины росли за счет перебравшихся из не столь терпимых регионов Империи. Станным образом миссионеры местных не раздражали, вероятно, просто не принимались всерьез. Религиозные тексты со всех уголков Империи пользовались у местных непреходящим спросом. Верить они не верили, но восхищались и требовали продолжений.

У Элли был шанс. Даже если жители Остентума видели не дракона, они видели что-то очень похожее, потому как придумывать они не умели.

* * *

Это была точно не комета. И это была не орбита, а путь. Дракон летел мимо Остентума к солнцу системы по кратчайшему пути со скоростью, невозможной по определению. Ему понадобилась всего неделя, чтобы ворваться в систему и добраться до звезды. «Фея» летает быстрее. Любой межзвездный корабль летает быстрее, только не в обычном пространстве.

Это мог быть только дракон или массовый выход из строя всех устройств наблюдения.

На Остентуме нет космической промышленности, так же как и любой другой. Несколько консервных банок ручной работы, выведенных на орбиту с помощью миссионеров, а точнее кораблей миссии, ведь не в счет? Если бы нам повезло, экипаж с Планеты Мертвого Бога отправился на орбиту как раз на одном из таких. В конце концов, мы могли рассматривать дракона отдельно, а жители Остентума отдельно, но отец Элли был высокого мнения о своей дочери и, что должно мне льстить, обо мне, а Император был высокого мнения об отце Элли.

И чуть не забыл еще об одном. О жадности. Элли отправлялась в систему Джунго не просто посмотреть на дракона, моя девушка подписала контракт с маленьким юрким человечком, появившимся минут через пятнадцать после того, как нам прошептали, куда и зачем мы летим. У человечка было лицо, которое невозможно запомнить, и представлял он фирму с труднопроизносимым названием. Он не оставил визитку и забрал оба экземпляра контракта. Единственным напоминанием о его визите были две суммы, которые неведомым образом упали на наши счета. Никогда такого не видел – деньги появились, но, если верить банку, ниоткуда не приходили. У Империи свои правила. И одно из них мне нравится. Империя никогда ни перед кем не одалживается. Мы выполняем просьбу, но за нее заплатили столько, что, если бы сумма была озвучена до того, не пришлось бы просить.

Согласно контракту, мы взялись доставить экспедицию с Остентума как можно ближе к дракону. Не самое точное определение дистанции, но, немного зная нравы Остентума, я как-то сразу понял, что за расстояние имеется в виду. Расстояние выстрела.

Помня о прошлом нашем опыте длительного совместного проживания, я даже не особо расстроился, что мы будем не одни. Еще я позавидовал Элли. Вот как так научиться, чтобы

делать то, что хочешь, и тебе за это еще и прилично платили? Наверное, это у неё от отца, насколько я знаю, тот тоже занимается именно тем, что ему нравится, при этом его капитал все увеличивается.

«Фея» – не самая маленькая яхта, на самом деле это скорее корвет, по крайней мере, вооружение у неё явно не типичное для прогулочного судна. Вероятно, именно поэтому в ней очень комфортно вдвоем. То есть по дороге на Остентум – все было здорово. И даже если бы на борту был кто-то третий, все равно было бы здорово. Четыре пассажира – это уже перебор. Несмотря ни на что, я надеялся на скромного, восторженного, желательного пожилого и некрасивого умника. Мечтать об умнице женского пола у меня рядом с Элли не получается.

Я был готов к тому, что этот умник будет воспринимать любой предмет исследований с точки зрения – найти самое уязвимое место, чтобы при следующей встрече с этим самым предметом пополнить им местный музей.

Это в традициях Остентума. Вместо ожидаемого – четверка уже знакомых нам бойцов. Я недооценил традиции.

И я был уж совсем озадачен их багажом. Есть у военного оборудования какое-то неуловимое свойство, как-то сразу знаешь, что это не просто чемоданы и совсем не просто контейнеры. Какие-то тусклые цвета и всегда неподъемный вес. Этот груз слишком тяжел, ручки всегда маленькие, словно сделаны для какой-то другой породы людей, существующей исключительно в воображении дизайнеров. Безжалостно впиваются в ладони, а может, они и сделаны именно для этого – чтобы впиваться? Правда, и тут все было согласно местным традициям. Никогда не видел кейса для боекомплекта с чеканкой.

Не знаю, как может пригодиться содержимое этих ящиков в космосе. Будут тренироваться в сборке-разборке?

В отличие от своих попутчиков, Элли не озадачивалась выбором оружия. Понадеялась на огневую мощь своей яхты и на меня. Я очень прилично метая ножи. Как-то мне пришлось месяц провести в спасательной капсуле, и единственным развлечением были нож и все, что с ним можно сделать. Сначала я пытался украсить стены узором. То, что это была попытка дизайна, догадался только я. Спасатели были уверены, что исковерканная стена – следствие аварии. Я не стал их разубеждать. С метанием у меня получалось лучше. Тридцать дней – стоя, лежа, сидя – метнул, подобрал, снова метнул, снова подобрал...

Есть у меня знакомый – большой специалист по рукопашному бою, а также по бою с применением палок, ножей, цепей и многочисленных комбинаций перечисленного. Его заинтересовал мой способ перемещения ножей в пространстве. С точки зрения мастера, бросаю я плохо, потому как мне все равно, что бросать. Такие нюансы, как баланс, я не учитываю вовсе, зато мне удастся довольно метко и сильно послать в цель любой достаточно тяжелый предмет. Главное, ухватить его поудобней.

Не знаю, будет ли этого достаточно для дракона, но если придется иметь дело с нашими спутниками – точно не хватит. Эти знают о метательном оружии все.

Элли любит свою кают-компанию. Иногда мне кажется, что сначала построили её, а потом уже вокруг собрали корабль. Сотни фей жили здесь своей странной кукольной жизнью, и нужно просто постараться им не мешать. Огромные металлические – о том, что это феи, а не роботы с крыльями, нужно было постараться догадаться, крошечные деревянные – смотри не сдуй случайно; фарфоровые с алыми губами и синими крылышками. Очаровательные с соблазнительными впукlostями и выпукlostями, и жуткие с острейшими, не вмещающимися в рот – какой рот! – в пасть зубами!

Где-то с десятого посещения я научился перемещаться по кают-компании и не наносить ущерб коллекции.

Так бывает – все знаешь, все понимаешь и все равно оказываешься не готов – Элли отдала командос кают-компанию. Не знаю, о чем она думала, может быть, она решила переименовать яхту? Потому что, когда мы с Элли вошли, чтобы плотнее познакомиться с нашими гостями, это уже был не музей фей. Музеи легко превращаются в казармы, обратный процесс труден и редко достижим.

Большая коробка в углу – вероятно, именно там закончили свой путь многочисленные экспонаты. Было чисто и пусто. Мешали две скульптуры, но теперь-то стало понятно, что это просто символы военной доблести. Им, конечно, не хватало меча или арбалета в руках. Но до конца полета наши попутчики наверняка что-нибудь придумают.

Я злился. Я пытался понять, зачем я изображал нечто невесомое и бестелесное, чтобы все экспонаты этого музея в целостности и сохранности дожили до нашествия этих варваров. Чего еще ждать от Элли? Вдруг у неё крышу снесло – особо опасная форма гостефилии?

* * *

«Фея» на автопилоте шла к месту, где в последний раз было зафиксировано появление дракона. Совсем рядом с Джунго. Судя по маршруту, он летел к местному солнышку. Погреться?

В ста пятидесяти миллионах километров от Джунго траектория полета дракона пересеклась с орбитой одной из внутренних планет – и больше его не видели. Мне понравилось, как этот момент зафиксирован в протоколе службы наблюдения Остентума: «помеха исчезла». Хорошая такая помеха – по прикидкам той же службы – где-то в полкилометра в длину. Это если считать, что измерение от той его части, которая была направлена по движению, к противоположной его части – это длина. Еще были крылья. Огромные, больше похожие на два языка пламени, почти белые ближе к середине, уходящие в красное по краям...

Он был похож на цветок, летящий по ветру навстречу солнцу. Самый красивый цветок, который мне доводилось видеть.

* * *

На второй день полета я разлюбил еду. То есть желудок по-прежнему требует и слюна выделяется, с физиологической точки зрения – все в порядке. Но физиология каждый день сопротивлялась все слабее и скоро должна была пасть перед силой моей ненависти к походам в кают-компанию. «Фея» – не самая маленькая яхта, но и не самая большая. Кают-компания по совместительству еще и кухня, она же столовая. Каждый день мы дружно поглощали пищу в компании с нашими коллегами. Я способен на многое – но это было сильнее меня. Четверо самодовольных, совершенных особей, изо всех сил пытающихся доказать это самое совершенство.

Капитан и лейтенанты знали все, мало того, каждый из них мог отжаться на одной руке столько раз, сколько нужно для того, чтобы окружающие устали от наблюдения за этим процессом.

Я могу отжаться раз пятьдесят, но на двух. Это, безусловно, делает меня существом второго сорта. Что еще хуже, я не все знаю. И дело не в том, что спецназовцы получили в своей казарме блестящее образование. Их преимущество в другом – они не сомневались.

И сколько же счастья было в их твердых взглядах.

Уже ко второй совместной трапезе я выучил тот простой факт, что если что-то не укладывается в их картину мира – это просто помеха. Нужно было слышать, как они произносили это слово.

У Элли был свой взгляд на все. Её спецназовцы забавляли. Ей было трудно понять, что у этих ребят слово «помеха» совпадало со словом «мишень». А стреляли они просто здорово.

Ей нравилось их дразнить. Она спросила их про Мертвого Бога. Ей было интересно зачем. Её не поняли. Три раза кряду. Я, наверное, тоже с трудом бы сообразил, как объяснить, зачем я время от времени ем и регулярно дышу.

Миссию просвещения взял на себя капитан. Не как самый умный. Как самый терпеливый.

– Госпожа Элли, что в вашем мире делают с нарушителями закона?

– Отделяют от общества, – пирог, который попался под руку Элли, был выразительно поделен на две неравные части.

– Возможно, это правильный подход в вашем мире. У вас огромное население, развитые технологии и много денег. Мы себе не можем этого позволить. Мы действуем наверняка – отделяем с гарантией.

Капитан был небрезглив. Дотянувшись до отрезанного ломтика пирога, он его съел. Я слышал, как его верхняя челюсть встретила с нижней. На месте Элли мне бы хватило этого звука.

– И какой закон нарушал Бог?

– Все. – Капитан обвел рассеянным взглядом стол. Мне захотелось убрать куда-нибудь свои руки, опрометчиво лежащие рядом с едой. Мало ли.

– Ничто не может возникать ниоткуда. Ничто не может доставаться даром. Ничто не должно угрожать естественному ходу вещей в нашем мире. Для этого и существуем мы – гвардейцы Остентума.

– Радует, что только в вашем. А чем вам дракон не угодил?

Элли не стала дожидаться ответа капитана. Я тоже. Только чуть медленнее и умнее – я собрал со стола то, что мне хотелось бы взять с собой и съесть вдали от гвардейцев.

Совместное поглощение пищи было прекращено, точнее, разделено на две неравные части – гвардейская четверка продолжала питаться в кают-компании, мы с Элли набивали организмы калориями у себя. Длилось это недолго, ровно до того момента, как «Фея» сообщила по громкой связи своим чарующим контральто: «Цель обнаружена».

* * *

Мы продолжали избегать кают-компаний, но теперь уже дело было не в наших друзьях по контракту. Элли почти не уходила с мостика, автопилот «Феи» не справлялся – мы подошли слишком близко к Джунго, возмущения гравитации превращали прокладывание курса в лотерею с неизвестным исходом. Элли и не прокладывала, она вела яхту так, как это могли бы делать капитаны в далекие времена парусных предков «Феи». Когда Элли становилось совсем уж никак, я её подменял. Моего мастерства хватало только на то, чтобы не слишком удалиться от точки, достигнутой Элли.

Мы не догоняли дракона. Просто потому, что он от нас не убегал, дракон парил в хромосфере, то приближаясь, то немного отдаваясь от звезды, как безумная пятисотметровая бабочка, дорвавшаяся до лампочки ей по размеру.

Мы медленно, но неуклонно скрадывали расстояние между нами и целью. Так аквалангист, изо всех сил загребая, время от времени наглотавшись воды, пытается приблизиться к стайке резвящихся дельфинов. Надежда только на то, что они его дождутся. Дракон ждал нас, а пространство сходило с ума.

Наверное, все дело в гравитации. Генераторы искусственного тяготения пришлось отключить, чтобы они просто случаем не расплющили экипаж, пытаясь компенсировать капризы притяжения звезды. Хорошо привязанным и малоподвижным, нам стало на какое-то время легче, пока вирус безумия не поразил все, что было на корабле. Элли отключила двигатели после того, как её тело совершенно свободно воспарило, несмотря на ремни. Ремни просто вдруг стали способны пропускать сквозь себя все, в том числе Элли. Яхту трясло и выкручивало, надо бы возвращаться, только включать двигатели сейчас было полным безумием. Мы шли дальше.

«Фея» дрейфовала в сторону звезды Джунго и дракона, мы старательно держались подальше от стен. Оказаться снаружи не хотелось.

Убедившись, что Элли обосновалась в центре мостика, я решил проверить гвардейцев. Все ли целы?

Волновался я зря. Есть такая порода людей, которые и не тонут, и не горят, наши пассажиры были как раз из неё. Я зашел в кают-компанию лишь для того, чтобы присутствовать при боевом построении. Лейтенанты уже облачились в комбинезоны, которые, надо полагать, по понятиям Остентума должны имитировать скафандры. В упор не заметил ни одного баллона с кислородом. Наверное, они не только здорово стреляют, но и умеют дышать в вакууме. Видел я комплекты для безопасной езды на скутере, которые выглядели более убедительно.

– Собрались куда-то?

Вероятно, как раз в этот момент вся команда дружно зевнула, знаете ведь, когда человек зевает, он ничего не слышит. Ящики, которые я видел при погрузке, лежали тут же – выпотрошенные, безобидные, как сброшенная кожа змеи.

Когда думаешь об особо опасной пушке, как-то само собой в голову приходит размер. Такая большая-большая, но если не приложить обычную для сравнения, то издали и не понять – пушка как пушка. На самом деле особо опасные, они смотрятся злее. В руках у лейтенанта Бассы было нечто большое и по виду – с трудом удерживаемое в руках. Тупоносое, мощное – ни большие ладони лейтенанта, ни её широкие, почти не женские плечи не должны выдерживать такой вес. У Феликса и Квинта было что-то похожее, только еще массивнее. Все время забываю, на Остентуме все индивидуально. Даже такие монстры делаются под заказ.

Если я правильно понял то, что проревел капитан, лейтенанты получили тридцать секунд на уничтожении помехи. Смешно. Капитан подождал, когда его бойцы добегут до шлюза, и тут начал меня и видеть, и слышать.

– Скоро домой, парень!

В его словах было столько отеческого тепла... Ему было бы достаточно одной фразы, и я бы тоже пошел за лейтенантами делать то самое – правое дело. Во что они там собирались стрелять? Убить дракона?

Я улыбнулся капитану в ответ, но не успел ничего сказать. Я человек любопытный, но никогда не хотел узнать, как себя чувствует пуля, попавшая в цель. В хорошо бронированную цель. Доводилось видеть пулю после этого – такая сплюснутая, ни на что не годная. Теперь я знаю, как это. Испытано собственным черепом. И боюсь, ближайшие дни, хочется верить, что дни, буду такой же ни для чего не полезный.

Перед тем как потерять сознание, я успел удивиться. «Фея» шла ровно и спокойно, как по рельсам.

Космос был спокоен и чист, насколько это возможно вблизи от звезды. Сила притяжения вспомнила об учебниках физики и старательно соблюдала каждый параграф. Лейтенанты были живы, здоровы и на борту, капитан выглядел удовлетворенным, а я с Элли снова и снова просматривал запись того, что случилось до того, как яхту чуть не размазало по орбите.

Наверное, я просто чего-то недосмотрел в снаряжении лейтенантов. Невозможно находиться там, где они были – на внешней обшивке «Феи», – и не обгореть, не задохнуться, не заработать летальную порцию радиации. Лейтенанты не просто были невредимы – они двигались, и очень быстро. Когда-нибудь я тоже так смогу, лет десять тренировок, и я секунд десять буду двигаться с той же скоростью. Как раз в тот момент, когда троица передвигалась по обшивке, яхту крутило и бросало из стороны в сторону с разным ускорением, но лейтенантам все было нипочем.

Я неправильно оценил пушки гвардейцев. Это вообще были не пушки, это было три части одного большого орудия, на сбор которого лейтенанты потратили два вдоха. До дракона оставалось совсем немного, по астрономическим меркам, мы практически в него врезались – недолет стараниями Элли составлял всего десяток километров.

Какой бы огромной ни казалась только что смонтированная пушка, выстрел из рогатки должен был подействовать примерно так же. Я видел стадионы меньше этого дракона. С тем же успехом можно было бы просто подуть в его сторону. Просто подумать, махнуть рукой и представить, что это на что-то подействует...

Дракон расцвел лепестками пламени, кажется, заполнил собой все вокруг и исчез без следа. Только звезда и космос. Никаких драконов. Три лейтенанта, все таких же целых и невредимых, уже разобрав свою суперпушку, бежали к шлюзу. Если существуют соревнования на грациозность бега – они точно были бы в призерах.

Я просматривал запись снова и снова – кадр за кадром. Пока не увидел то, во что поверить уж и вовсе невозможно. Дракон взорвался до того, как гвардейцы выстрелили. Все-таки расстояние было приличным, и взорваться одновременно с выстрелом значило взорваться раньше. И это был не взрыв. Дракон почти мгновенно прилетел сюда, прямо к яхте. Если человека достаточно быстро опустить лицом в костер, ему тоже покажется, что произошел взрыв. А потом дракон исчез. Без следа. Яхта пролетела сквозь огненное тело дракона, пламя облизнуло «Фею» – судя по реакции приборов – корабль был способен на куда более грубый контакт. В то же мгновение меня расплющило о переборку, Элли – повезло больше, она была в капитанском кресле. С капитаном Сивером не случилось ничего. Три лейтенанта – Басса, Феликс и Квинт находились в момент атаки за бортом и просто обязаны были поджариться. Где-то до состояния хрустящей корочки.

Запись волновала только меня. Коммандос были счастливо уверены в мощи своего оружия (интересно, кто им вообще сказал, что оно сработает?). Даже капитан мало походил на себя, и лишь одно омрачало его счастье. Он ждал меня у капитанского мостика только для того, чтобы сказать мне:

– Ваш корабль. Нам нужны такие.

Я не должен был ничего отвечать. Парень поделился сокровенным, и от меня требовалось просто выдержать его взгляд и промолчать. Мне удалось. Я промахнулся в другом – меня покинула Элли.

В отличие от наших вооруженных друзей, Элли не гуляла в открытом космосе, она все еще была на яхте, но точно не со мной. Моя девушка сошла с ума. В небольшой каюте «Феи» она занималась тем, что перекладывала с места на место все, что было в этих двадцати кубических метрах. Делала паузу, замирая в позе эмбриона на кровати – ненадолго, минут на пятнадцать, потом вставала и снова начинала все сначала.

У меня получилось, кажется, с пятого раза. Просто добиться ответа. Элли девушка непростая, но такого с ней еще не случалось, поэтому я был упорен.

Элли выбирала, что именно из своих вещей она возьмет с собой на мрачную планету Покров. Мне довелось там бывать. Если совсем честно, довелось бывать в местном космопорте два часа по дороге в одну сторону и два часа по дороге обратно. Все дело в облаках. На этой

планете они сбиваются в стаи. Иногда, примерно раз в пятилетку, солнце пробивается сквозь и горе той местности, на которую падают эти рассерженные лучи. Они сжигают все. В остальное время на планете Покров под облачным покровом холодно. До абсолютного нуля далеко, то есть кислород был жидким и даже не думал твердеть. Мне рассказывали, что есть фанаты, которые проводят годы в ожидании солнечных дней на Покрове, чтобы увидеть, как две жидкости – азот и кислород, которыми богат Покров, в одно мгновение превращаются в газ. Из космоса это выглядит очень красиво.

И даже не странно, что космопорт Покрова расположен не на планете, что это космическая станция на достаточно высокой орбите.

Кроме редких взрывов и частого холода, на Покрове есть еще одна достопримечательность. Самый большой в освоенной Галактике женский приют. Есть много объяснений, почему именно здесь, но главная проста – сюда может приехать только отчаявшийся.

Элли собралась туда. Элли не могла простить себе – она считала, что это из-за нее убили дракона.

Камеры отличаются от глаз многим, но одно отличие – главное. Камеры не моргают. Элли пришлось сделать то, что уже делал я: просмотреть запись кадр за кадром и увидеть. Пришлось постараться, чтобы заставить ее это сделать, но мне очень не хотелось навещать ее на Покрове.

* * *

Не помню, чтобы я просыпался просто так. Бывает, хочется есть, пить, что-нибудь еще, столь же естественное. На этот раз я проснулся от злости на себя. Большую часть своей сознательной жизни я пользовался головным мозгом. Все время этой экспедиции мозг спал, лишь иногда выполняя различные вторичные функции – удивлялся, оторопел, пугался, но ни разу не сделал того, ради чего и помещен в черепную коробку. Ни разу не сделал своего хозяина сильнее.

Яхта возвращалась к планете Мертвого Бога, Элли все не могла отойти от мониторов. Надеюсь снова увидеть дракона. Надеюсь, этого не произойдет, иначе наши попутчики снова захотят палнуть в него из своей хлопушки и будут страшно разочарованы. Трудно представить себе, что они в таком случае выкинут: потребуют вести «Фею» на таран? Мне бы не хотелось пытаться оказывать этим ребятам сопротивление. Я видел, как они бегают по обшивке.

Очень не хотелось подвести Императора. Это не то что рискованно, это мало добавляет к самоуважению. Но ведь рано или поздно дракон появится снова. Для местных – это ситуация классического вызова, и скорее всего, винить во всем они будут не свое несовершенное оружие и не мощь дракона.

У меня была одна идея. И она могла сработать. Ее неосуществимость связана с тем, что любая Империя ведет себя довольно предсказуемо. А мне требовалось, чтобы Император решился на то, чего не было никогда. Я думаю, услышав мое предложение, он сразу выберет один из вариантов, предложенных военными. То есть желательно, чтобы он узнал о моей идее, когда мы уже выберемся за пределы системы Джунго. Чтобы не задело.

Я не выдержал, не дождался правильного момента. Некоторые мысли обладают свойством выключать такие нужные части сознания, как инстинкт самосохранения. Я обратился с просьбой о сеансе связи с Императором.

По законам Империи, любой подданный имеет право на общение с Императором. Если это не мешает важным государственным делам. Так как вся жизнь Императора из них и

состоит, то подданные понимают, что шансов на общение почти нет, и прибегают к этому своему праву с разумной частотой. То есть почти никогда или если уж совсем невмочь.

Мысль, которая заставила просить меня о сеансе связи, как только запрос был отправлен, тут же юркнула куда-то в сторону гипоталамуса, оставив меня наедине с только что проснувшимся здравым смыслом. Смысл надеялся на то, что Император занят.

Круглые глаза Элли говорили об обратном. На центральном мониторе капитанского мостика светилась эмблема имперской канцелярии.

Разговор получился короткий. Он выдержал паузу секунд в десять и сказал одно слово: «Попробуй». И отключился. Еще через минуту по всем каналам связи прошло сообщение, что некий Марк назначен полномочным представителем Империи.

Это было совсем не то, о чем я думал. Я рассчитывал, что моя идея в худшем случае будет просто услышана, а в лучшем – какой-нибудь дипломат получит четкие инструкции и отправится выполнять почетную миссию, в полном соответствии с дипломатическим протоколом, поднятием и опусканием флагов, почетным караулом, нотами, персонами и что там еще. Полномочный представитель Империи? Если меня завтра назначат ангелом, у меня же крылья не отрастут?

Еще какой-нибудь час назад я мечтал о том, чтобы как можно быстрее приземлиться на Остентуме, чтобы еще быстрее оттуда улететь. Сейчас мне хотелось другого. Лететь долго, так, чтобы я наконец смог собраться с мыслями и сделать то, что должен.

* * *

Нас встречали иначе. Если называть вещи своими именами, то нас не встречали вовсе, а встречали гвардейцев – они были героями. Еще бы, кроме нас с Элли, пока никто не догадывался, что, выстрелив даже из самого большого ружья, можно разве что заинтересовать дракона.

Те, кто пришел на встречу с нами, четко обозначили тот факт, что один из нас теперь несколько в другом статусе. Элли все еще была туристкой, и ее просто не замечали. Вокруг меня застыл почетный караул, небольшой – в количестве двух местных, а зачем больше? Караул из таких особенных, когда ясно понимаешь, что охраняют не тебя, а от тебя.

Довольно скоро мы остались одни. Караул, я и Элли. Только после этого к космопорту подрулил до боли знакомый транспорт. Надо полагать – трофейный. Во времена моей службы мне доводилось достаточно часто передвигаться на армейских броневиках. Мы их называли телегами. Надежные машины, и броня хороша, и огневая мощь достойная, только если проехаться в ней на достаточно большое расстояние, то уже не понадобится никакой противник. Трясет в них нещадно, поэтому и «телега». Сняв форму, я как-то понадеялся, что уже никогда не буду передвигаться таким не самым щадящим способом. Я ошибался.

Появившиеся из телеги гвардейцы были настроены так же решительно. А как еще нужно относиться к официальному представителю врага? Чем я думал, когда хотел поговорить с Императором?

Элли осталась в порту, и надеюсь, уже на «Фее», и двигатели разогреты.

Ехать было недолго. Повезло. Правда, когда я снова ступил на землю Остентума, мне подумалось, что лучше бы я все еще ехал. Это было не похоже на королевский дворец. Это было что-то сильно укрепленное, причем на этой планете я знал только две причины строить что-то настолько защищенное. Либо это на случай боевых действий с участием имперских войск, либо это тюрьма. Многообещающе.

Я представлял себе все несколько иначе. Мне нравится исполнение имперского гимна в неофициальной версии, одно время я даже собирал коллекцию, на каждой планете местный оркестр, встречая полномочных представителей, играет его по-своему, эксклюзивно, –

кажется, что-то родное и в то же время совершенно новое. И это несмотря на то, что к торжественным мероприятиям всегда был равнодушен, но одно дело посмотреть, и совсем другое – поучаствовать. Видно, не судьба.

Прихожая, небольшой коридор, и я на месте встречи. Не зал – комната, которая была бы совершенно обычной, если бы не одна из ее стен – абсолютно прозрачная. На секунду мне показалось, что я снова попал в музей. За стеклом был крылатый кит. Я уже такого видел – во второй раз на картинке рядом со скелетом, чтобы было понятно, каким был скелет при жизни, а в первый – на поручне мини-вэна, который нас отвозил в этот самый музей. Очень похож на настоящего.

Если я ничего не путаю, его сородича убили ударом копья в ухо. Только по картинке было не понять, что свои уязвимые места кит как бы совсем не выставлял на показ. Чучело за стеклом показывало чудище во всей красе – мощный воротник, образованный кожей складкой, прикрывал уши, огромные кожистые крылья и бахрому щупальцев. За стеклом, по-видимому, был сквозняк, и бахрому слегка шевелилась, что делало чучело еще более отталкивающим. Не хотелось бы оказаться с ним живым на одном материке. Убийце пришлось не просто попасть, а еще и выбрать момент, когда чудище повернуло голову и оказалось – по местным, и только по местным меркам – беззащитным.

– Как он вам?

У меня и двух моих стражей появилась компания – этому человеку не нужно было представляться. И его рога... дело в том, что все жители Остентума могли похвастаться костными наростами, но настолько небольшими, что если не знать, то вполне можно и не заметить. Только не в этом случае. Сантиметров пять, не меньше.

Он был стар и полон достоинства. На любой другой планете так выглядел бы слуга в аристократическом доме. Дворецкий, на чьих глазах и под чьей опекой вырастает несколько поколений знати. Вероятно, на Остентуме именно таким и должен быть король. Ему невозможно бросить вызов, к нему нельзя не прислушаться.

– Ваше величество?

– На Остентуме нет такого титула. Мои соплеменники называют меня хранителем, и мне это нравится.

В комнате не было трона, но в этом и не было нужды. Хранителю хватало стула, и если он сделан здесь, то это лучший стул в Галактике. Что ж, место и время сделать то, что мне поручил Император.

– Хранитель, тебе известно, что я только что вернулся. Мне довелось провести несколько дней вместе с вашими гвардейцами.

– Думаю, это были не самые легкие дни. – Мне показалось, или хранитель улыбнулся?

– Будет что вспомнить и... Хранитель, я видел их в деле, и потому я здесь. От имени Империи я прошу Остентум взять Империю под свою защиту.

Ну вот я сказал это. Хорошо хоть, никто, кроме хранителя, меня не слышал. Сейчас до него дойдет, что именно я сказал, и он с позором меня выгонит, после чего мы наконец-то сможем вернуться домой.

– Что готова Империя предложить взамен? – Странно. Со мной продолжают разговор. Хранитель решил, что я нормален, Зря, я сказал еще не все, что планировал.

– Дело в том, что на самом деле дракон ушел от выстрела.

– Конечно. Дракона невозможно уничтожить, но они всегда будут этого хотеть.

– И всегда будут хотеть летать за пределами планеты. Звездные корабли – вот что готова предложить Империя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.